

ГЛАВА X.

Дубоссары. Свѣдѣнія изъ путешествія Нѣмцевича. Наши пути сообщенія. Вольные матросы. Ходатайство мое объ этомъ сословіи у е. и. в. генераль-адмирала. Поѣздка по этому случаю. Григоріополь. Его обитатели. Чичероне. Городничій. Пожаръ. Дѣйствіе пожарной команды. Бендеры. Возница. Шведскій лагерь. Могила Мазепы. Пребываніе Карла XII въ Бендерахъ. Осада королевской резиденціи.

Дубоссары, заштатный городъ Херсонской губерніи, не представляютъ ничего интереснаго, хотя и отстроены довольно сносно, даже лучше многихъ узднихъ городишекъ, особенно произведенныхъ изъ какого нибудь селенія. Когда Дубоссары возникли, для какой цѣли сдѣланы городомъ и потомъ оставлены за штатомъ — доискаться трудно, и несомнѣнно лишь одно, что они играли роль въ то время, когда Днѣстръ составлялъ пограничную линію. И теперь еще близъ моста, ведущаго въ Кріуляны, виднѣется упраздненное зданіе, не то карантинъ, не то таможня, но только одно изъ двухъ, не помню. Впрочемъ, ту или другую роль играло упраздненное зданіе — для читателя все равно, потому что оно приходитъ въ разрушеніе. Дубоссары, несмотря на свою видимую порядочность, состоящую, впрочемъ, изъ нѣсколькихъ сносныхъ домиковъ, все-таки принадлежатъ къ тѣмъ городкамъ, наводящимъ на пріѣзжаго уныніе, которыхъ такое изобиліе во всѣхъ губерніяхъ имперіи. Единственное упоминаніе о Дубоссарахъ нашелъ я въ путешествіи Нѣмцевича, и такъ какъ это было въ 1818 г., то я и считаю нелишнимъ привести небольшой отрывокъ. Нѣмцевичъ ѣхалъ изъ Балты въ Одессу.

»Первый ночлегъ мой, говоритъ онъ, былъ въ Дубоссарахъ. Вечеромъ шелъ проливной дождь и дорога сдѣлалась скользкая, непріятная и тяжелая. Было десять часовъ, когда экипажъ мой остановился передъ постоялымъ дворомъ какого-то нѣмца. Измученный, обмокшій, я заранѣе утѣшалъ себя мыслию

о спокойномъ отдыхѣ — какъ хозяинъ объявилъ, что не могъ принять меня по случаю большаго съѣзда гостей, прибывшихъ на завтрашній базаръ. Я тотчасъ же обратился къ обычному средству, и рубль серебромъ такъ расположилъ въ мою пользу *нѣмца*-хозяина, что нѣмецъ уступилъ мнѣ не только свою комнату, но и постель. Впрочемъ, это ложе небольшую мнѣ принесло выгоду. Несчастные и бубенъ, и флейта до такой степени одушевляли молодежь, прибывшую изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ колоній, что вальсамъ не было счета, и, хоть хозяйка, въ благодарность за мой рубль, старалась о прекращеніи бала, однако, дочери ея непрерывно просили *posh mich einen Waltz*. И этотъ *одинъ еще вальсъ* повторялся постоянно; но возможно ли было отказать дамамъ? Родившіеся уже здѣсь нѣмцы сохранили и типъ, и движеніе, и одежду своего племени. Смотри на молодыхъ нѣмчиковъ, вертѣвшихся въ вальсѣ, я подумалъ: внуки ихъ разбогатѣютъ и сдѣлаются, можетъ быть, баронами, графами.

На другой день городъ наполнился народомъ; пригнали множество быковъ для продажи. Въ ужаснѣйшей грязи топтались нѣмецкіе колонисты, цыгане, молдаване, евреи. Двадцать лѣтъ назадъ здѣсь было развѣ нѣскольکو татарскихъ землянокъ, а теперь 350 домовъ, которые, впрочемъ, весьма жалки и покрыты тростникомъ. Топливомъ служитъ здѣсь торфъ, но не такой, какъ на другихъ мѣстностяхъ, а просто навозъ, нарѣзанный квадратиками и высушенный на солнцѣ. По недостатку пива нѣмцы вошли во вкусъ туземной водки; я даже видѣлъ — какъ семилѣтняго мальчика приучали къ этому напитку. Пара воловъ стоитъ здѣсь отъ 150 до 200 р. ассигнаціями» (*Podróze Historyczne, str. 306*).

Конечно, со временъ Нѣмцевича построилось много домиковъ, изъ которыхъ лучшіе принадлежатъ евреямъ, но грязь осталась та же, потому что, хотя я приѣхалъ и въ сухое время, однако же лужи и топи заливали улицы и площадь, требуя отъ прохожаго знаніе мѣстности, чтобъ не увязнуть по колѣни. Есть и трактиръ, въ которомъ, должно быть, останавливался путешественникъ, но не знаю — танцуютъ ли во время базаровъ нѣмцы; по крайней мѣрѣ мнѣ этого видѣть не случилось. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ окрестные колонисты много измѣнились; они не оправдали пророчества Нѣмцевича и не сдѣлались баронами и графами, но разбогатѣли дѣйствительно и живутъ вообще далеко лучше всѣхъ нашихъ земледѣльцевъ. Дубоссары ведутъ торговлю сырыми произведеніями, бла-

годаря еврейскому населенію, которое, какъ и вездѣ, не лежитъ сложа руки и пользуется малѣйшею возможностью зашибать копѣйку.

Днѣстръ здѣсь представляетъ уже небольшія препятствія къ судоходству, состоящія въ меляхъ, которыя, конечно, могли бы быть устранены, но торговля преимущественно пользуется сухопутнымъ сообщеніемъ по случаю недалежнаго разстоянія отъ Одессы, хотя иногда разстояніе это требуетъ очень много времени по причинѣ глубокой и, можно сказать, чудовищной грязи. Лѣвый берегъ Днѣстра, начиная съ Подольской губерніи и вплоть до самаго Чернаго моря, отличается какъ-то невылазною грязью: во время продолжительныхъ дождей, особенно весною и осенью, здѣсь рѣшительно нѣтъ возможности ѣхать даже въ самой легкой повозкѣ, а города, не исключая и Одессы, дѣлаются буквально непроходимыми. Теперь проектируется желѣзная дорога отъ Одессы къ Днѣстру у сел. Парканъ и желѣзнодорожная до Хотина черезъ всю Бессарабію. О пользѣ этихъ улучшенныхъ путей сообщенія распространяться нечего; но я стою на своемъ — что высказывалъ не разъ какъ и въ первыхъ главахъ своей поѣздки, такъ и въ другихъ статьяхъ, — что для описываемой мѣстности прежде всего необходимы хоть узенькія шоссе, но которыя перерѣзывали бы край въ разныхъ направленіяхъ. Шоссированныя дороги оказали бы для обѣихъ сторонъ Днѣстра неисчислимую пользу, а безъ нихъ паровые и желѣзнодорожные пути не достигнутъ своей цѣли по причинамъ, о которыхъ даже распространяться считаю излишнимъ. Допустимъ, что мы находимся въ исключительномъ положеніи, что западное развитіе торговли и путей сообщенія застало насъ въ патріархальномъ бездѣйствіи, что когда въ Европѣ нетолько города, но даже села давно соединены были шоссейными дорогами и потомъ уже стали прокладываться желѣзные пути, что мы наконецъ прозрѣли и вздумали у себя заводить чугуны. Все это такъ, но скоро ли мы дождемся желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ огромныя наши пространства, всѣ наши хлѣбородныя, богатая мѣстности сплошь и рядомъ представляютъ препятствія для сообщеній. Конечно, это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ, но какъ же избѣжать его, если приходится говорить о нашихъ провинціяхъ? Я не буду здѣсь касаться проектируемыхъ дорогъ и говорить за и противъ, но полагаю обязанностью замѣтить, что безъ шоссированныхъ дорогъ ни торговля наша, ни про-

мышленность немислимы. Какъ ни могущественны паровыя сообщенія, но чугушка не можетъ удешевить хлѣба въ портовыхъ городахъ, — а это для насъ настоящая необходимость, — потому что громоздкій хлѣбный товаръ требуетъ значительной перевозочной платы. Для сбыта земледѣльческихъ произведеній южной и средней полосъ не столько нужна быстрота, какъ возможность сообщенія, которая, во первыхъ, обеспечивала бы самую доставку и, во вторыхъ, давала бы средство заключать и исполнять поставку хлѣба. Недорогія, но частыя шоссе лучше всего способствовали бы какъ развитію земледѣлія, такъ и вообще преуспѣянію нашей торговли и промышленности. Я налегаю въ особенности на шоссе какъ на средство поднять благосостояніе южнаго края, еще и потому, что устройство его по краю, изобилующему камнемъ, не можетъ обойтись дорого, разумѣется, если сооруженіе его будетъ произведено мѣстными средствами и мѣстными строителями. Система должна быть самая упрощенная и безъ всякаго поползновенія къ роскоши и щегольству, какія видимы мы, напр., по варшавско-московской и даже по бѣлорусско-петербургской дорогамъ. Тамъ шоссе великолѣпны и поглощали громадныя суммы, хотя для торговли и не представляютъ не только особеннаго, но и никакого подспорья. Одна первоклассная станція, т. е. ея устройство, меблировка и содержаніе, на московско-варшавскомъ пути стоитъ, я думаю, столько денегъ, сколько нужно на проведеніе скромнаго шоссе верстъ на сто, если не больше. Выбирать пункты и направленіе тамъ нетрудно: стоитъ только предоставить этотъ выборъ мѣстнымъ жителямъ и одно, что необходимо соблюсти — это облегчить послѣднихъ отъ разныхъ формальностей въ осуществленіи полезныхъ проектовъ. При содѣйствіи шоссе и самыя паровыя дороги разовьютъ шире свою дѣятельность, а безъ этого удобства дѣло въ нашихъ южныхъ провинціяхъ не подвинется впередъ, несмотря ни на какія выгодныя линіи желѣзныхъ дорогъ. Весною и осенью, а на югѣ и зимою, часто нѣтъ возможности доставить хлѣбъ и за пятьдесятъ верстъ, во первыхъ, по случаю распутицы, во вторыхъ, за неисправностью мостовъ и гатей. Отчего у насъ шоссе вообще стоятъ неизмѣримо дорого, если даже и не принимать во вниманіе великолѣпныхъ станцій съ паркетами и щегольской мебелью? Отъ желанія показать товаръ лицомъ. Посмотрите на эти канавки, выложенныя дерномъ, на эти красивыя кучки изъ разноцвѣтныхъ камней, означающія каждыя сто сажень, на

эти палисадники, разбитые такъ артистически при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ — и вы убѣдитесь, сколько денегъ истрачено самымъ непроизводительнымъ образомъ. Деревянные перила, напримѣръ, вещь очень красивая, но не вездѣ необходимая, и на лѣсистыхъ мѣстностяхъ обходятся казнь не дешево, а если поставить ихъ по степямъ Новорос-сія, да еще непременно изъ сосноваго лѣса — во что они обойдутся? Шоссейныя дороги, предназначенныя соединить торговыя и промышленныя мѣстности, могутъ обходиться рѣшительно безъ всякихъ украшеній, да и не должны требовать и ширины больше той, какая нужна для свободного разѣзда двухъ повозокъ. Сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россія скоро покрыться не можетъ, но должна какъ можно скорѣе построить побольше путей шоссейныхъ, и тогда нѣтъ никакого сомнѣ-нія, что видимо начнутъ процвѣтать области, которыя и созданы для цвѣтущаго состоянія, но разными условіями общества поставлены почти въ безвыходное положеніе. Самый лучшій примѣръ — малорусскія губерніи, гдѣ не такъ еще давно рожь, напримѣръ, въ урожайные годы стоила за пудъ 5 к. серебромъ, а во время голода тотъ же пудъ продавался по цѣлковому. Разумѣется, хотя не въ такой пропорціи, однако съ незначительной разницей, идетъ наша хозяйственная промышленность въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ портовыхъ городовъ. Помѣщики южной полосы имѣли еще выгоду достав-лять хлѣбъ, положимъ, въ Одессу, потому что пользовались даровымъ извозомъ, наряжая крестьянъ, но съ уничтоже-ніемъ крѣпостнаго права эта выгода рухнула, и теперь они принуждены продавать свою пшеницу мѣстнымъ спеку-лянтамъ по цѣнѣ весьма незавидной.

Какъ правый, такъ и лѣвый берега Днѣстра нуждаются въ шоссе, которое соприкасалось бы къ нему въ разныхъ мѣ-стахъ и давало развитіе дѣятельности въ этомъ благодатномъ климатѣ, на великолѣпной почвѣ, требующей только разум-ной обработки. Мнѣ кажется, и врядъ ли я ошибусь ска-завъ, что еслибы бессарабское дворянство, вмѣсто желѣзно-конной дороги отъ Хотина до Одессы, которая все-таки по-глотитъ большіе капиталы, взялось покрыть область сѣтью шоссе, оно принесло бы краю громадную пользу и скоро вы-ручило бы затраченныя суммы, взимая умѣренную поверст-ную плату. Огромнаго же движенія по одному только направ-ленію — когда не сегодня — завтра улучшится судоходство по Днѣстру, по которому изъ того же Хотина можно сплавлять

грузы, — ожидать нельзя, а обратные поезда из Одессы, вѣроятно, часто будутъ ходить пустыми. Но предоставимъ времени показать нашимъ экономистамъ — что необходимо для благоденствія страны, и возвратимся къ Дубоссарамъ.

Городишко этотъ памятенъ для меня тѣмъ, что въ немъ первый разъ встрѣтился я съ днѣстровскими вольными матросами. Кто читалъ мою »Поѣздку по Днѣпру«, тотъ знакомъ уже съ этимъ интереснымъ сословіемъ; но если днѣстровскіе вольные матросы организованы на одинаковыхъ основаніяхъ съ днѣпровскими и тѣми, которые населяютъ портовые города Чернаго и Азовскаго морей, то, поставленные въ совершенно исключительное положеніе, обусловленное неудобной мѣстностью, они рѣдко занимаются мореходствомъ и вообще судоходствомъ. Изрѣдка только иные изъ нихъ отправляются по портамъ искать работы, а большая часть занимается преимущественно земледѣліемъ. Здѣсь они сплошь и рядомъ молдаване, потому что весь лѣвый берегъ Днѣстра, начиная отъ границы Херсонской губерніи, населенъ этимъ племенемъ, исключая г. Тирасполя, м. Маякъ, наполненныхъ великорусскими старовѣрами, да одной нѣмецкой колоніи, уже на лиманѣ.

Здѣсь будетъ нелишнимъ привести одинъ эпизодъ изъ моей поѣздки въ южную Россію, который, конечно, не можетъ быть безынтересенъ для читателя, но для меня составляетъ самую свѣтлую страницу въ моей жизни, и я отраднo отдыхаю на ней, когда переносусь въ минувшее. Познакомившись на среднемъ Днѣпрѣ съ вольными матросами и вникнувъ съ особеннымъ вниманіемъ въ ихъ бытъ, я нашелъ такія вещи, которымъ трудно повѣрить, но представившіяся мнѣ во всей наготѣ дѣйствительности. При началѣ крымской кампаніи всѣ вольные матросы, окончившіе ученье и занимавшіеся промыслами, единодушно пошли охотниками въ черноморскій флотъ и многіе изъ нихъ были подъ Синопомъ. Когда высадились въ Крыму союзники и моряки наши не могли уже быть полезными на своей родной стихіи, а обязаны были защищать Севастополь на берегу — вольные матросы поступили на бастіоны. Много этихъ охотниковъ легло костью при мужественной оборонѣ, но гораздо больше получило тяжелыхъ раны и увѣчья. Немногіе изъ нихъ получили единовременныя денежныя награды, а остальные потащились безъ всего по домамъ, вдоль Днѣпра, почти до Кременчуга, по Днѣстру и по портамъ Чернаго и Азовскаго морей до самыхъ низовьевъ Дона — кто безъ руки, кто безъ ноги, кто

съ прострѣленною грудью, кто съ разбитою головою. Какъ волонтеры они были выключены изъ списковъ, и вся ихъ многотрудная служба на бастіонахъ осталась только въ памяти ихъ ближайшихъ временныхъ командировъ. Многіе, впрочемъ, понесли съ собою георгиевскіе кресты, а всѣ получили по медали. Между тѣмъ смерть, тяжелыя раны и увѣчья вольныхъ матросовъ внесли въ ихъ семейства положительное бѣдствіе, которое, развиваясь быстро, обнаруживалось въ 1858 году уже значительными симптомами. Народъ это все болѣе или менѣе бѣдный, живущій судоходствомъ или земледѣліемъ— какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимы здоровье и физическія силы. Иная семья по случаю болѣзни или увѣчья одного своего члена приходила въ совершенное разстройство и не видѣла выхода. Были и такія семейства послѣ убитыхъ матросовъ, которыя состояли изъ вдовы и малолѣтнихъ дѣтей и начинали уже нищенствовать... Всѣ дѣла о вольныхъ матросахъ сосредоточены въ канцеляріи новороссійскаго генераль-губернатора, гдѣ и находится особый чиновникъ, ими завѣдующій, и, хоть вольные матросы подчинены мѣстнымъ властямъ въ полицейскомъ отношеніи, однако, этотъ чиновникъ считается главнымъ ихъ начальникомъ; обязанность послѣдняго, конечно, немаловажная, если смотрѣть на нее по теоріи, но на практикѣ заключается въ томъ, что чиновникъ разъ въ годъ объѣдетъ, да и то, пожалуй, не всѣ, мѣстности, разберетъ кое-какія жалобы и отправляется въ Одессу, рассылая оттуда различныя предписанія за нумерами. Вникнувъ ближе въ бытъ бѣдняковъ, я могъ только имъ сочувствовать, но, какъ лицо неофициальное, не могъ даже хорошенько освѣдомиться — были-ль какія нибудь попытки улучшить это словіе. Проѣздомъ черезъ Одессу я освѣдомлялся; однако получилъ въ отвѣтъ, что вольные матросы пьяницы, народъ буйный и что съ ними нѣтъ никакихъ средствъ управиться. Между тѣмъ я видѣлъ, что это совершенно не такъ, и, признаюсь, мысль о бѣдствіи нѣсколькихъ сотъ семействъ не выходила у меня изъ головы. Я былъ убѣжденъ, что высшее правительство не знаетъ объ этомъ, что мѣстныя власти не писали въ Петербургъ, но твердо вѣрилъ, что бѣдняки не останутся безъ помощи нетолько по чьему нибудь ходатайству, но даже просто по заявленіи. Взвѣсивъ всѣ шансы на успѣхъ, я рѣшился, наконецъ, безъ всякихъ околичностей довести объ этомъ до свѣдѣнія его императорскаго высочества генераль-адмирала и, переѣхавъ на Днѣстръ, въ короткихъ

словахъ описалъ дѣло. Я считалъ себя обязаннымъ исполнить это и, не медля нисколько, послалъ въ С.-Петербургъ свое донесеніе. Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ я получилъ изъ канцеляріи морскаго министерства отвѣтъ, въ которомъ не только благодарили меня, но еще мнѣ же поручили записать лично всѣхъ раненыхъ и увѣчныхъ. Смѣло могу сказать, что я давно уже не ощущалъ подобной радости, какую чувствовалъ, читая это письмо, и, хотъ порученіе отвлекало меня отъ моихъ занятій, хотъ я осенью и зимою долженъ былъ совершить нѣсколькихъ тысячъ верстъ по пустынямъ и снова отправляться на пройденный уже Днѣпръ, однако, мысль сдѣлать доброе дѣло вытѣснила у меня всѣ другія мысли. Я употребилъ семь мѣсяцевъ на поѣздку по побережьямъ рѣкъ, морей и степямъ донскимъ и новороссійскимъ. Результатомъ моихъ изысканій было то, что, когда я возвратился въ Петербургъ и представилъ списки раненыхъ и увѣчныхъ вольныхъ матросовъ — его императорское высочество генераль-адмиралъ принялъ это близко къ сердцу, исходатайствовалъ увѣчнымъ пенсіюны, а тяжело раненымъ единовременныя пособія, которыя и были посланы съ нарочнымъ чиновникомъ морскаго министерства *).

*) „Государю великому князю генераль-адмиралу угодно было поручить еще въ 1858 г. командированному отъ морскаго министерства въ Новороссійскій край писателю, Афанасьеву-Чужбинскому, собрать возможно подробныя свѣдѣнія о вольныхъ матросахъ, участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя, и привести въ извѣстность — кто изъ нихъ наиболѣе нуждается вслѣдствіе увѣчья, ранъ или смерти членовъ семейства. Этотъ обширный трудъ, возможный лишь при близкомъ знакомствѣ со всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, по которому разбросаны селенія вольныхъ матросовъ, былъ оконченъ осенью 1860 г.

Въ простой формѣ именныхъ списковъ онъ содержитъ множество красно-рѣчивыхъ и трогательныхъ фактовъ. Раскройте эти списки: въ нихъ занесены только раненые въ Севастополь или убитые, послѣ которыхъ остались семейства. Вы насчитаете до тысячи именъ неизвѣстныхъ, невзвучныхъ, никогда не попадавшихъ ни въ какую реляцію, а между тѣмъ взгляните на отмѣтки: вотъ одинъ, который простоялъ 11 мѣсяцевъ на Малаховомъ курганѣ. Онъ былъ три раза раненъ. Послѣ первой раны его отнесли въ госпиталь; двѣ недѣли спустя онъ, едва стоя на ногахъ, упробилъ доктора отпустить его снова на батарею. Вторую рану онъ скрылъ, чтобы его снова не отправили въ больницу, и простоялъ у орудія, пока ему не разбило праваго плеча осколкомъ. Подобныхъ случаевъ можно насчитать много. Почти всѣ контужены и ранены по нѣсколькимъ разамъ.

У старухи матери были три сына и замужняя дочь, всѣ три сына и зять пошли въ Севастополь — ни одинъ не вернулся.

За такія утраты, за такіе подвиги нѣтъ вознагражденія, но матеріальныя потери, къ счастью, можно было хотя отчасти поправить.

Для этой цѣли великій князь генераль-адмиралъ испросилъ въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года высочайшее соизволеніе на отпускъ 15,000 рубл. сер. для раздачи раненымъ вольнымъ матросамъ и семействамъ убитыхъ. Распре-

Въ двадцати верстахъ ниже Дубоссарь лежитъ тоже заштатный городокъ, Григоріополь, населенный преимущественно армянами. Въ просторѣчїи онъ, впрочемъ, называется »Черная«, и названіе это повсемѣстно какъ въ Херсонской губерніи, такъ и въ Бессарабіи. По наружности Григоріополь превосходитъ многіе уѣздные города Херсонской губерніи и по своему прекрасному гостиному двору покажется, особенно съ перваго раза, весьма торговымъ, но если вы въ немъ проживете нѣсколько дней, то увидите обычное затишье. Гостиный дворъ выстроенъ собственно потому, что армяне преимущественно занимаются торговлей; каждый армянинъ считаетъ обязанностью торговать чѣмъ нибудь, и, если наконецъ и некому продавать, онъ все-таки полагаетъ священнымъ долгомъ сидѣть въ лавочкѣ. Такое уже племя. И относительно мѣстной продажи дѣйствительно григоріопольскіе торговцы не могутъ похвалиться, но зато въ базарные дни они вознаграждаютъ себя при сѣздѣ и сходкѣ разнообразныхъ національностей.

Располагая остаться нѣсколько дней въ этомъ городкѣ, весело подъѣзжалъ я къ обширной гостинницѣ на площади въ надеждѣ найти порядочное, покойное помѣщеніе. Но довольно было войти въ большую комнату, чтобы надежды мои разсѣялись: давно позабытый запахъ тифлискаго армянскаго базара поразилъ мое обоняніе, и я тотчасъ же безошибочно предсказалъ себѣ всѣ удобства и все спокойствіе, меня ожидашія. Номера были и довольно недороги, но это нечистыя темныя конурки, почти безъ всякой мебели, окнами на грязный дворъ и достаточно населенныя тѣми безпощадными кровопійцами, которые сродни и нашимъ русскимъ гостинницамъ. Дѣлать было нечего, и я поселился въ печальной и темной каморкѣ, разсыпавъ весь мой запасъ персидской ромашки. Надъ городомъ, какъ нарочно, нависли тучи и грозили хлынуть ливнемъ, что было бы для меня самымъ несчастьемъ. Въ моемъ пріютѣ распространился печаль-

дѣленіе этихъ денегъ между наиболѣе нуждающимися было поручено чиновнику морскаго министерства, надворному совѣтнику Рачинскому, который, будучи снабженъ всѣми собранными уже свѣдѣніями и посѣщая всѣ селенія вольныхъ матросовъ, легко могъ соразмѣрять сумму пособія съ дѣйствительными нуждами cadaго. Хотя, при большомъ числѣ лицъ, имѣвшихъ право на вспомоществованіе, доля cadaго не могла быть очень значительна, но и этой суммы, преимущественно въ селахъ, было часто достаточно, чтобы оказать нуждающимся дѣйствительную помощь“ (оффиц. отдѣлъ № 7 „М. Сб.“ 1861 года: „О выдачѣ пособій вольнымъ матросамъ“).

ный сумракъ, а косою столъ былъ такого свойства, что не представлялъ возможности не только писать, но и разложить необходимые вещи. Кто не странствовалъ долго и много по нашимъ любезнымъ захолустьямъ, тотъ даже не пойметъ — какое вліяніе погода и обстановка имѣютъ на расположеніе духа; но должно сказать откровенно, что мрачная григоріопольская канура и нависнувшія тучи подѣйствовали на меня самымъ печальнымъ образомъ. Оставалось прибѣгнуть къ единственному утѣшителю — самовару и подъ однообразный напѣвъ его коротать скучное время. На случай дождливой погоды мнѣ предстояло выдержать немалую пытку, и потому я началъ собираться съ духомъ къ примиренію себя съ незавидной долей. Но не успѣли мнѣ внести самоваръ, какъ уже судьба послала мнѣ утѣшеніе. Въ мою комнату вошелъ незнакомецъ, не то въ балахонѣ, не то въ шинели, и остановился у порога. Я счелъ его за какого нибудь члена трактирной администраціи и ожидалъ, что ему отъ меня надо.

— Имѣю честь поздравить, проговорилъ незнакомецъ, кланаясь довольно развязно и съ добродушной улыбкой.

— Съ чѣмъ? спросилъ я, невольно недоумѣвая о предметѣ поздравленія.

— Съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Что же это, онъ подѣзжаетъ къ милостынѣ? мелькнуло у меня въ головѣ.

— Очень благодаренъ! повторилъ я, замѣчая по акценту, что имѣлъ дѣло съ армяниномъ.

— Ви у первый разъ здѣсь пришоль?

— Да въ первый разъ.

— Хорошъ городъ, произнесъ незнакомецъ, мотнувъ головой и дѣлая знакъ глазами, свойственный одному только армянскому племени.

— А вы кто? спросилъ я.

— Ми издѣшни, гріорипоски.

— Очень радъ. Но что же вамъ угодно?

— Ми пришоль по чесности спросить — можетъ, нужно какой дѣло, такъ ми издѣшни.

— Благодарю. Мнѣ, дѣйствительно, будетъ кое-что нужно. Что-жъ вы не садитесь?

— Ми маленьки человекъ: ми постоимъ передъ большой господинъ.

— Въ томъ-то вотъ и штука, что я не большой господинъ.

Армянинъ улыбнулся.

— Питербурски! проговорилъ онъ съ новымъ подмигиваніемъ.

— Да кто же вамъ сказалъ — кто я и откуда?

— Ми бумага читалъ.

— Во всякомъ случаѣ садитесь; можетъ быть, мнѣ и понадобится посмотрѣть городъ, вотъ вы меня и проводите. Только дождь пойдетъ.

— Городъ нашъ — хорошъ городъ, говорилъ армянинъ, несмѣло усаживаясь на стулъ: — потому знаешь, армень не луби руки складай, не луби погулай.

И, несмотря на вычурный и неудобопонятный языкъ моего собесѣдника, я проболталъ съ нимъ до самаго вечера, спрашивая о городѣ, о нравахъ и обычаяхъ жителей. Григоріопольскіе армяне между собою говорятъ по турецки, и многіе изъ нихъ не понимаютъ даже роднаго языка, хотя богослуженіе отправляется у нихъ по армянски. Таковъ уже обычай, укоренившійся еще подъ турецкимъ владычествомъ. Я бесѣдовалъ со стариками и спрашивалъ — отчего же не обращаются они къ природному языку, когда въ этомъ нѣтъ уже никакого затрудненія. Старики высказали мысль, что пусть уже молодость переучивается, а имъ и не для чего, да и трудно. Старики почти не знаютъ по русски. Племенной типъ однако же у армянъ сохранился въ цѣлости, такъ что въ этой небольшой горсти григоріопольскихъ жителей я не нашелъ особенной разницы съ армянами крымскими, донскими, кавказскими и закавказскими. И не только типъ, но движенія, хватки у нихъ одинаковы, даже манера коверкать русскій языкъ та же самая, что, напримѣръ, у армянъ закавказскихъ. И странное обстоятельство: племя это обладаетъ необыкновенною способностью къ усвоенію, съ малѣйшими оттѣнками, разнообразныхъ языковъ, а по русски говорятъ они отъменно дурно. Что можетъ быть труднѣе нѣкоторыхъ горскихъ нарѣчій? а между тѣмъ армяне на Кавказѣ усваиваютъ ихъ какъ свое природное и объясняются съ необыкновенною ловкостью и быстротою. Специалисты говорятъ, что по разговору армянина невозможно отличить отъ горца, а послушайте, какъ говоритъ онъ по русски — даже послѣ долговременной практики невозможно удержаться отъ смѣха! Что можетъ быть труднѣе грузинскихъ гортанныхъ звуковъ? — армянинъ передаетъ ихъ съ замѣчательною отчетливостью; по русски же ни одного слова не произнесетъ

какъ слѣдуетъ. Этого мало, онъ будетъ склонять и спрягать неправильно. Вотъ вамъ образчикъ разсказа довольно богатаго армянина, который не одинъ десятокъ лѣтъ прожилъ въ близкихъ отношеніяхъ съ русскими:

»По милости богомъ великимъ творцомъ намъ есть два синь Карпушька и Давидушька. Карпушька, какъ петичка пѣть и скоро-скоро пишетъ — балшая голова. А Давидушька — руменый, куруглый, ну точно такой падлэць, какъ я!«

Разумѣется, послѣднее существительное надо принимать за выраженіе крайней похвалы.

Григоріопольскіе армяне занимаются преимущественно мелочной торговлей въ многочисленныхъ лавкахъ роднаго городка и на ближайшихъ ярмаркахъ. Разумѣется, они же заняты и ремеслами всякаго рода. Порядочное ихъ количество разбрелось и по другимъ городамъ, а одесскіе цирюльники, на примѣръ, всѣ безусловно григоріопольскіе армяне. Это уже ихъ ремесло по преимуществу, и надо отдать имъ справедливость: они очень искусные цирюльники.

На другой день погода была превосходная, знакомецъ мой явился утромъ рано и мы пошли осматривать городъ, въ которомъ осматривать ровно нечего. Но для успокоенія совѣсти мы обошли немногочисленные улицы, заглянули въ двѣ — три лавки, и я отправился потомъ познакомиться къ городничему, отъ котораго надо было достать кое-какія числовыя данныя. Въ захолустныхъ мѣстахъ появленіе каждаго пріѣзжаго, особенно изъ столицы, возбуждаетъ нетолько любопытство, но и опасеніе, такъ что всѣ мѣстныя власти порой чувствуютъ себя довольно неловко. Но въ Григоріополѣ власти заключаются въ одномъ городничемъ, и потому пріѣздъ мой надѣлалъ тревогу только въ его домѣ. Порученіе мое очень хорошо было извѣстно по всѣмъ мѣстамъ новороссійскаго края, потому что генераль-губернаторъ писалъ къ властямъ объ оказываніи мнѣ содѣйствія, за которымъ, впрочемъ, я рѣдко обращался, однако, тѣмъ не мѣнѣе, во многихъ городишкахъ на путешествіе мое смотрѣли другими глазами и видѣли въ немъ цѣль не просто этнографическую. Нѣкоторые уѣздные разумники и ораторы подозрѣвали, что, подъ видомъ изученія быта прибрежныхъ жителей, я изучаю вмѣстѣ ихъ служебныя грѣшки, и потому старались въ моемъ присутствіи казаться не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Разумѣется, мнѣ это доставляло иногда очень веселыя минуты,

служило забавными quiproquo и пополняло безцвѣтную жизнь среди заброшенныхъ, позабытыхъ закоулковъ.

Григоріопольскій городничій — высокій старикъ, изъ военныхъ, принялъ меня чрезвычайно радушно и, пригласивъ садиться, заявилъ тотчасъ же, во первыхъ, что онъ собирался ко мнѣ самъ и уже одѣлся въ томъ вниманіи, а, во вторыхъ, что онъ тугъ на ухо. Свѣдѣній необходимыхъ для меня не оказалось, что подтвердилъ и писмоводитель, очутившійся тутъ же, но зато я получилъ приглашеніе на обѣдъ и на вечеръ и узналъ, что въ Григоріополь прибылъ также и губернаторскій чиновникъ. Я не утерпѣлъ спросить — не будетъ ли кто изъ мѣстныхъ жителей, которыхъ, разумѣется, любопытно было видѣть въ обществѣ, но мнѣ отвѣтили, что все это народъ неотесанный и необразованный, неумѣющій даже войти въ гостиную.

Обѣдъ въ тѣхъ блаженныхъ странахъ происходитъ не позже часа пополудни, и потому, когда минутъ за двадцать до назначеннаго времени явился я къ городничему, всѣ гости были уже на лицо, не исключая и губернаторскаго чиновника. Семейство градоправителя принимало насъ очень привѣтливо, а обѣдъ былъ весьма недурень, соображаясь съ мѣстными средствами. Разговоръ шелъ о бытѣ и увеселеніяхъ губернскаго города, который, по словамъ пріѣзжаго чиновника, хоть и отсталъ отъ Одессы, однако, отличался зимой разнообразіемъ своихъ увеселеній. Мнѣ хорошо былъ извѣстенъ Херсонъ съ его общественною жизнію, но я не старался разочаровывать ни рассказчика, ни его слушателей, даже и тогда, когда чиновникъ описывалъ спектакли, устроенные съ благотворительною цѣлью.

Городничій вслушивался внимательно, и, когда рассказчикъ заключилъ, что самъ его п—во принималъ въ спектакляхъ дѣятельное участіе, онъ воскликнулъ:

- Какъ, самъ его п — во участвовалъ на сценѣ?
- Т. е. принималъ большое участіе.
- И, разумѣется, ему всѣ аплодировали?
- Его п—во только заботился вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ, чтобы все было прилично, такъ какъ спектакль составлялся благородный.

— А мнѣ, признаться, и самому показалось странно, что губернаторъ выступаетъ на сцену. Значитъ и г. вице-губернаторъ не игралъ?

- И тотъ не игралъ; даже никто изъ предсѣдателей.

— Веселятся себѣ, замѣтилъ городничій, обращаясь ко мнѣ:—а вотъ у насъ хоть бы какой шальной фокусникъ заѣхалъ. Просто, я вамъ скажу, смертная скука! Въ военное время привыкли, что много было войска, ну и веселились кое-какъ, а теперь хоть и стоитъ артиллерія, да вѣдь въ батареѣ не Богъ знаетъ сколько офицеровъ.

Разговоръ все вертѣлся въ этомъ родѣ и начиналъ мнѣ надоѣдать, такъ что я уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ пирожное, которое и появилось послѣ порядочнаго антракта.

Послѣ обѣда мы еще усѣлись за кофе и закурили.

Вдругъ раздались мѣрные протяжные звуки колокола. Всѣ вздрогнули, потому что звуки эти не въ урочное время въ провинціи обыкновенно означаютъ тревогу....

Городничій встрепенулся.

— Пожаръ! проговорилъ кто-то.

— Не можетъ быть! сказалъ городничій:—вотъ уже пять лѣтъ, кажется, даже больше, какъ у насъ не было ничего подобнаго.

Но появившійся десятскій разувѣрилъ старика, прокричавъ:

— Пожаръ, ваше в—іе! прикажете готовить трубу?..

— Живо, живо готовить... Эй, запрягать лошадей!...

— Да не скорѣе ли дойдемъ пѣшкомъ, замѣтилъ я, сообразивъ, что если пожаръ и на концѣ города, то все можно дойти прежде, чѣмъ запрягутъ дрожки....

— И точно правда! Если угодно, господа, пойдемте; вы кстати увидите — какъ дѣйствуетъ моя команда.

И мы отправились. Пожаръ въ маленькихъ городахъ представляетъ хоть и печальное, однако, тѣмъ не менѣе, любопытное зрѣлище. При этомъ случаѣ вы можете видѣть всѣ власти во всемъ величіи; и тутъ же иной разъ недоумѣваете — какъ могутъ люди имѣть столько здраваго смысла, чтобы отдавать самыя нелѣпѣйшія приказанія. Обыкновенно порядка никакого, воды нѣтъ, хотя каждый домохозяинъ обязанъ, по расписанію, являться, кто съ бочкой, кто съ ведромъ, кто съ топоромъ или съ лѣстницей, однако расписание это зачастую остается мертвой буквой, во первыхъ, потому, что лошади, обязанныя везти бочку, лѣтомъ всегда на подножномъ корму, хозяева по большей части если не въ отлучкѣ изъ города, то шныряютъ гдѣ нибудь по торговымъ и маклачскимъ дѣламъ — и главныя силы составляютъ голыя руки, которыми и работаютъ добрые люди.

Когда мы вышли изъ воротъ городничаго — по улицѣ и на

площади шевелился народъ. За гостинымъ дворомъ виднѣлся дымокъ, а на колокольныхъ продолжался набатъ, мѣрные, протяжные звуки котораго не заглушали отдаленнаго говора и покрякиваній на мѣстѣ пожара.

Поравнявшись съ полиціей, мы увидѣли, что десятскіе суетились запрягать трубу, а телѣги съ крючьями были уже готовы.

— Шевелись у меня, разбойники! прикрикнулъ городничій.

— Сейчасъ, ваше в—іе. Надо бы подмазать, да ужъ и такъ обойдемся.

— Что онъ говоритъ? обратился городничій къ письмоводителю, не укорачивая шага.

— Сказываетъ, что надо бы подмазать.

— Вотъ я васъ, ракали, подмажу! Живо, чтобы поспѣли прежде меня непременно.

— Однако пламени не видно, да и дымъ не очень большой, замѣтилъ я, не знаю почему, радуясь, что городничій замедлилъ.

Мнѣ не шель съ ума пожаръ въ одномъ дрянномъ городишкѣ, гдѣ до пріѣзда властей сосѣди очень умно распорядились, а какъ прибылъ градоправитель и перемѣнилъ распоряженіе, то сгорѣли три лишнихъ домика.

— Это огня не видно за лавками, отозвался письмоводитель: — а только выйдемъ на поперечную улицу — все будетъ какъ на ладони.

Мы поспѣшили. Набатъ началъ умолкать, и, хоть намъ лавки уже не мѣшали, однако, выйдя на поперечную улицу, мы все-таки огня не увидѣли. Черезъ минуту сзади раздался шумъ, какъ бы отъ разохшагося и разбитаго экипажа, и мимо насъ пронеслась на рысяхъ пожарная труба, сопровождаемая телѣгою съ крючьями. Десятскіе — надо отдать справедливость ихъ примѣрному рвенію — опережали даже лошадокъ и бѣжали впереди, размахивая руками, точь въ точь какъ воины, идущіе на приступъ, на сценѣ провинціального театра.

— Шевелись! прокричалъ имъ городничій и прибавилъ, обращаясь къ намъ: — труба эта на прошлой губернаторской ревизіи удивляла публику.

Наконецъ мы подошли къ одному небольшому дворику, у воротъ котораго толкались люди и гдѣ въѣхавшіе пожарные инструменты причинили ужаснѣйшій беспорядокъ, потому что мѣшали артиллеристамъ оканчивать тушеніе небольшого сарайчика.

— Прочь всё! крикнулъ градоправитель. — Эй, поставить народъ къ трубѣ!

— Да уже все потушено, отозвался одинъ офицеръ.

— Помилуйте, все должно происходить по положенію. Эй! вонъ дымъ выходитъ изъ угла — катай, ребята!

Высокій десятскій, должно быть спеціалистъ, направилъ кишку на легкій дымокъ, выходявшій изъ мокрой кучи, и крикнулъ:

— Навались, ребята!

Ребята навалились. Что-то зашипѣло и запыхтѣло, и вода по случаю скважины въ рукавѣ трубы устремилась не на догоравшій предметъ, но брызнула въ сторону, поливая носатыя армянскія фізіономіи и даже зацѣпивъ письмоводителя.

— Ломай, ребята, стѣны! командовалъ между тѣмъ городничій, не видѣвшій эффекта, производимаго трубою, которая на послѣдней ревизіи удивляла публику.

— Да зачѣмъ же ломать, в. в—іе, сказалъ хозяинъ: — вѣдь, спасибо артиллеристамъ, пожаръ потушенъ.

— Ломать бесполезно, замѣтилъ офицеръ, подойдя близко къ городничему: — опасность миновала.

Въ это время десятскій, замѣтивъ неисправность въ рукавѣ трубы, зажалъ рукою скважину, и кое-какая струя воды, шипя, проливалась на курившуюся солому.

— Вотъ такъ! вотъ такъ! приговаривалъ городничій.

И еще, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа мы любовались дѣйствіями трубы, которая истощала всё свои юмористическія средства. Артиллеристы просто смѣялись.

Положеніе городничаго для меня казалось просто безвыходнымъ, потому что смѣхъ артиллеристовъ началъ уже повемвогу сообщаться и прочимъ зрителямъ; но, какъ нарочно, въ этотъ моментъ случилось маленькое происшествіе, давшее новый толчекъ всеобщей дѣятельности. Такъ какъ, по случаю прибытія во дворъ пожарной трубы и въ силу новыхъ распоряженій, артиллеристы не успѣли затушить совершенно огня, то онъ и вспыхнулъ въ одномъ уголку, и, хоть справедливость требуетъ сказать, что проявленіе этого пламени могло быть уничтожено однимъ ведромъ воды, однако, городничій ловко воспользовался случаемъ, чтобы весь успѣхъ дѣла приписать дѣйствию своей пожарной команды. По его приказанію нѣсколько десятскихъ бросилось съ крючьями на горѣвшій кулъ соломы, а брантмейстеръ, изо всѣхъ силъ зажимая постороннее отверстіе въ рукавѣ трубы, съ успѣхомъ поливалъ огонь

водою, такъ что въ нѣсколько минутъ не осталось и слѣда пожара.

Когда все было кончено и городничій, въ знакъ своего удовольствія, пожалъ всѣмъ намъ руки, онъ велѣлъ выстроиться десятскимъ и торжественно обошелъ согбенныхъ и неуклюжихъ служителей.

— Спасибо, молодцы! сказалъ онъ имъ, становясь въ ультра-начальническую позу.

— Ради стараться, в. в—іе, гаркнули молодцы, изъ которыхъ иные, незнакомые съ фронтальной дисциплиной, сняли свои фуражки.

— Я вами очень доволенъ, только, смотрите, въ другой разъ запрягать живѣе, а-то велю отпустить всѣмъ безъ исключенія по двадцати пяти лозановъ.

— Надобно упряжь исправить, в. в—іе, отозвался брант-мейстеръ: — а-то неровень часъ...

— Болванъ! нашелъ гдѣ толковать объ упряжи! Еслибы не такой случай, я тутъ же наколотилъ бы тебѣ зубы.

— Слушаю, в. в—іе!

— Ступайте домой, да оставьте одного десятскаго и бочку воды на мѣстѣ пожара на всякій случай! А о пожарѣ будетъ произведено строжайшее слѣдствіе.

— Ужъ отъ слѣдствія помилуйте, в. в—іе, сказалъ съ низкимъ поклономъ хозяинъ дома. — Я какъ нибудь построю новый сарайчикъ.

— Нельзя—на все есть законъ. Ты вѣдь не понимаешь, что объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи я долженъ донести высшему начальству. Вотъ здѣсь и губернаторскій чиновникъ, а вотъ, при этомъ городничій указалъ на меня: — они изъ самаго изъ Петербурга.

— Оно такъ, в. в—іе, только какъ бы не таскали меня...

— Все будетъ сдѣлано по закону. Теперь, господа, обратился къ намъ городничій: — послѣ обѣда уже спать не приходится, а потому милости просимъ ко мнѣ—будемъ чай пить.

Цѣлый вечеръ потомъ разговоръ у насъ шелъ о дѣйствіяхъ григоріопольской пожарной команды. Городничій напиралъ преимущественно на то, что губернское начальство никогда не цѣнитъ дѣятельности властей въ отдаленныхъ городишкахъ, гдѣ съ помощью какой нибудь одной трубы прекращаютъ пожары, и что никогда не бываетъ никакого поощренія.

Чиновникъ при этомъ замѣчалъ, что и въ Херсонѣ пожарная часть была въ порядочномъ пренебреженіи, но что губер-

наторъ первымъ долгомъ поставилъ улучшить ее и довелъ, можно сказать, до степени совершенства.

И странное обстоятельство! Мы очень хорошо видѣли, какое участіе въ тушеніи пожара принимали труба и вообще полицейская команда, а между тѣмъ городничій постоянно больше и больше убѣждался, что безъ него сгорѣлъ бы не только одинъ домъ, но, пожалуй, и цѣлая улица. Часа черезъ два, когда уже напились чая, старикъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: видѣлъ ли я въ уѣздныхъ городахъ подобную исправность? Мнѣ оставалось только похвалить какъ распоряженія, такъ и дѣйствія, что я и исполнилъ къ величайшему удовольствію городничаго. Но мнѣ страшно наскучила эта однообразная бесѣда, и надо было отправиться во свояси. У дверей меня ожидалъ мой утренній чичероне, который совершенно прикомандировался ко мнѣ, и за воротами вручилъ мнѣ палку. Я замѣтилъ, что и въ его рукахъ имѣлось подобное же орудіе.

— Для чего же намъ палки? спросилъ я.

— Здесь бизъ палка не можно — такая много сабакъ и штанамъ порветъ и болна сделать.

— Днемъ вѣдь мы не видѣли.

— Днемъ она не выходитъ, а ночью звесно шляется. Здесь на уголь есть адынъ у! очинъ злой собакъ съ такимъ балшимъ мордомъ.

Признаюсь, это извѣстіе было мнѣ не слишкомъ пріятно, и, хотя мы шли вдвоемъ, однако, непріятно вступать въ бой со свирѣпыми псами уѣздныхъ городовъ, которые имѣютъ обыкновеніе собираться на мѣстѣ базара, гдѣ они подбираютъ разные крохи и остатки. Путь нашъ лежалъ какъ разъ черезъ подобное опасное мѣсто. Не успѣли мы отойти десятка сажень — какъ впереди послышалось непріятное ворчанье, изображавшее присутствіе многихъ собакъ, которыя собирались грызться за какую нибудь добычу. Но извѣстно, что въ собачьихъ нравахъ есть свои оригинальныя странности. Такъ, напримѣръ, если два пса кусаютъ третьяго, то четвертый и пятый, появляясь на драку, вмѣсто того, чтобы вступить за обиженнаго, бросаются на него же и рвутъ, не разбирая дѣла. Или, положимъ, собаки грызутся за какую нибудь кость, за предпочтеніе, оказанное самкой, наконецъ просто напавъ на незнакомую собаку, а въ это время проходить мимо чело-вѣкъ, особенно ночью, — достаточно какой нибудь собачонкѣ напасть на послѣдняго, чтобы вся стая, позабывъ свои счеты,

бросилась на него съ ужасающимъ лаемъ. Вотъ почему въ провинціальныхъ городахъ и городкахъ опасно ходить ночью черезъ мѣсто, гдѣ продаются съѣстные припасы, или возлѣ боенъ. Конечно, я не слыхалъ о людяхъ, растерзанныхъ собаками, но раненыхъ видѣлъ многое множество.

Все это мелькнуло у меня въ головѣ, когда мы съ армяниномъ подходили къ гостинному двору. Цѣлое общество собакъ лежало и сидѣло на самой дорогѣ, миновать которую намъ не было никакой возможности.

— Ви байтса? спросилъ меня армянинъ.

— Я боюсь, а вы?

— Я тоже байтса.

— Значить плохо. Какъ же быть-то?

— А будемъ ихъ бить съ палкомъ.

— Конечно, дѣлать нечего, только ихъ что-то много.

Но уже двѣ — три собаки поднялись со своихъ мѣстъ и начали громко лаять при нашемъ приближеніи. Лай этотъ по дѣйствовалъ и на остальныхъ, такъ что въ нѣсколько минутъ цѣлая стая поднялась на ноги и нѣкоторые псы отправились съ цѣлью зайти намъ въ тылъ. Предстояло два исхода — слѣдовать прямо къ гостинницѣ, которая была недалеко, для чего требовалось дѣйствовать наступательно, или поворотить назадъ подъ защиту домовъ и заборовъ. Но мы рѣшились показать свою храбрость на томъ основаніи, что, замѣтивъ наше отступленіе, стая собакъ непременно бросилась бы за нами, тогда какъ при движеніи впередъ псы дѣйствуютъ болѣе или менѣе осторожно. Не уменьшая и не ускоряя шага, продолжали мы свой путь, собаки начали бросаться съ разныхъ сторонъ, и я не знаю, что произошло бы, если не съ нами, то съ нашимъ платьемъ, еслибы на базарѣ не показалась почтовая телѣга. Звонъ колокольчика и стукъ колесъ по дѣйствовали на нашего непріятеля, а мы, почувавъ въ себѣ новую бодрость, поспѣшно пустились къ гостинницѣ, да самага крыльца которой собаки гнались за нами. Ованезъ однако же обнаруживалъ нѣкоторую храбрость и надѣлялъ преслѣдователей довольно энергическими ударами.

На другой день утромъ я спрашивалъ Ованеза о какойнибудь достопримѣчательности, которую слѣдовало бы осмотрѣть, такъ какъ въ Григоріополѣ для меня рѣшительно не предстояло занятій и я собирался выѣхать. Чичероне мой посоветовалъ сходить къ обѣднѣ въ сосѣднюю армянскую церковь, въ которой находился чудотворный желѣзный крестъ,

которому равнаго нѣтъ въ самомъ Эчмиадзинѣ. Это было въ воскресеніе, и я послѣдовалъ совѣту Ованеза. Въ церкви собралось такъ много народа, что я съ трудомъ могъ пробраться къ алтарю, но меня удивила не многочисленность посѣтителей, а смѣшеніе племенъ, потому что армяне не составляли большинства, но были здѣсь и великоруссы, и малоруссы, и молдаване, и окрестные помѣщики. Многіе изъ пришельцевъ стояли на колѣняхъ и усердно молились. Мнѣ это показалось тѣмъ болѣе страннымъ, что въ Григоріополѣ есть и православная церковь, слѣдовательно въ армянскую влекло не одно любопытство послушать богослуженіе на непонятномъ языкѣ. Пѣніе по восточному обычаю производилось въ носъ и непріятно дѣйствовало на слухъ и нервы. По окончаніи обѣдни священникъ вынесъ небольшой желѣзный крестъ, къ которому и устремились присутствовавшіе, иные съ земными поклонами, другіе стоя на колѣняхъ. Осѣняя cadaго крестомъ, священникъ армянамъ говорилъ по армянски, а прочимъ по русски слова: »Вѣра твоя спасетъ тебя«.

Впослѣдствіи я узналъ, что на поклоненіе къ этому кресту приходятъ люди за сто верстъ и болѣе вслѣдствіе обѣщаній и что къ храмовому празднику церкви стекаются богомольцы изъ губерній Херсонской, Подольской и изъ глубины Бессарабіи.

Крестъ четырехконечный, гладкій, безъ всякой надписи. Его вынесъ какой-то армянинъ изъ древней Арменіи.

Послѣ обѣдни зашелъ я попрощаться къ городничему и рассказалъ о ночной встрѣчѣ съ собаками. Старикъ окончательно пришелъ уже къ убѣжденію, что вчера спасъ городъ своею трубою, а болѣе собственно распорядительностью, и сообщилъ мнѣ, что цѣлое утро занимался сочиненіемъ рапорта высшему начальству. Собаки, по его мнѣнію, были плевое дѣло и не представляли существенной опасности, во первыхъ, потому что онѣ собираются ночью, а жители по ночамъ не ходятъ, во вторыхъ, каждый, кому встрѣчается надобность выйти изъ дому, беретъ большую палку.

— Съ доброю палкою, прибавилъ градоправитель: — мужчинѣ стыдно бояться.

— А женщина?

— Женщина пускай не таскается ночью.

— Но вѣдь собакъ очень много.

— А что будете дѣлать? Я когда-то сдѣлалъ и распоряженіе, чтобъ собакъ держали на цѣпи, но вѣдь за всѣми не усмотришь. Опять же безъ нихъ нельзя: можетъ произойти

воровство. Въ маленькихъ городкахъ нельзя заводить строгихъ порядковъ; хорошо, что хоть пожарная часть въ исправности. А? каково вчера дѣйствовали!

— Превосходно.

— То-то и есть. Посмотримъ, какъ взглянетъ высшее начальство. Вѣдь, подумайте, еслибы не было трубы: строенія деревянные, крытыя соломой — долго ли до несчастья!

Наконецъ старикъ не вытерпѣлъ, и, когда я, отказавшись отъ обѣда, раскланивался, онъ намекнулъ, что не мѣшало бы при случаѣ рассказать о его подвигѣ въ Одессѣ и Херсонѣ.

Изъ Григоріополя я переправился въ Бессарабію и поѣхалъ колесить по молдавскимъ селеніямъ, стоящимъ по берегу Днѣстра уже болѣе или менѣе способнаго къ правильному судоходству. Самый обильный матеріалъ для описанія — это красота мѣстности, но я уже столько разъ пользовался имъ, что становится, наконецъ, совѣстно употреблять во зло терпѣніе читателя. Днѣстръ однако же здѣсь течетъ не въ крутыхъ берегахъ, а извивается довольно глубокимъ русломъ по широкой долинѣ, поросшей разнообразнымъ лѣсомъ. Правая сторона окаймлена высокими горами, и каждую деревню можно назвать сплошнымъ виноградникомъ.

Эту часть Днѣстра поѣхалъ я довольно быстро, потому что мнѣ предстояло еще далекое путешествіе по дѣлу вольныхъ матросовъ, объѣздивъ которыхъ мнѣ уже было невозможно вернуться въ Бессарабію. Пробираясь въ Бендеры правой стороной, я очень хотѣлъ взглянуть на верфь, на которой строятся одномачтовые суда — необыкновенная рѣдкость на Днѣстрѣ — и, хоть узналъ въ какой деревнѣ идетъ постройка, однако, во время моего посѣщенія ни одного судна не было въ работѣ. Разумѣется, верфи нѣтъ никакой, а просто выстроено нѣсколько плашкотовъ (по мѣстному названію), которые и пошли внизъ съ различнымъ грузомъ. Впрочемъ, вверхъ они не подымались еще, по крайней мѣрѣ не ходили они не только къ Сорокамъ, но и въ Дубоссары. При жалкомъ состояніи судоходства на Днѣстрѣ я даже не знаю — будутъ ли у г. Попова подражатели, но полагаю, что если послѣдуетъ улучшеніе по этой части, то предприниматели начнутъ прямо съ пароходовъ и плоскодонныхъ баржъ съ возможно меньшей осадкой.

Раннимъ осеннимъ утромъ изъ селенія Гура Быкулуй по чудному нагорному берегу подъѣзжалъ я къ Бендерамъ. Влѣво разстилалась превосходная панорама рѣки, поросшей краси-

выми лѣсами, увѣнчанными еще свѣжей листвою, а передо мной вдали обрисовывались бастіоны крѣпости и древнія башни генуэзской цитадели. Но меня занимала не та глубокая древность, отъ которой усиленно бьется сердце археолога, а сцены, происходившія здѣсь въ началѣ прошлаго столѣтія. Когда я выѣхалъ изъ послѣдней деревеньки — вправо показалось множество мельницъ и я не могъ не вспомнить стиховъ Пушкина изъ его Полтавы.

Дальше мелькнулъ огромный курганъ. Къ несчастью, возница мой ни слова не говорилъ по русски и даже былъ такъ глупъ, что, несмотря на кое-какія мои познанія въ молдавскомъ языкѣ, не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній.

— Что это? спрашивалъ я его, указывая на высокій курганъ, виднѣвшійся въ отдаленіи, рассчитывая видѣть слѣды воспоминаній о пребываніи здѣсь шведовъ.

— Сувора дялу (гора).

И я уже больше не спрашивалъ, а спѣшилъ въ городъ въ надеждѣ найти когонибудь, кто могъ бы облегчить мои розысканія.

Миновавъ крѣпость, мы черезъ небольшую эспланаду въѣхали въ улицу обставленную деревянными домишками, которые походили не то на фортштадтъ, не то на городъ, и я уже хотѣлъ отдаться на волю судьбы — какъ ловкій еврей подскочилъ ко мнѣ отъ воротъ довольно длиннаго строенія и поздоровался со мною по молдавски.

— Бояръ нушти молдаванешти, отозвался мой возница, оскорбляя мое самолюбіе, потому что я все-таки зналъ на столько по молдавски, чтобы спросить о гостинницѣ.

Еврей тотчасъ же по русски предложилъ мнѣ услуги и сказалъ, что во всемъ городѣ нѣтъ такой гостинницы, и предложилъ самый лучший номеръ, изъ котораго только что выѣхалъ полковникъ. Выбирать было не изъ чего, и я велѣлъ поворотить въ гостинницу.

Не стану описывать ни того номера, въ которомъ жилъ полковникъ, ни тѣхъ печальныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаютъ въ уѣздахъ на каждомъ шагу путешественника, а скажу только, что самая лучшая комната, мнѣ отведенная, изобиловала всѣми гадостями, на какія только способны подобныя гостинницы.

Первымъ дѣломъ моимъ было отправиться осмотрѣть городъ и непременно добыть себѣ чичероне, который могъ бы свести меня на мѣсто бывшаго шведскаго лагеря. Я бродилъ

наугадъ, потому что не зналъ ни одной души въ Бендерахъ, и случайно попалъ въ небольшую улицу, обстроенную небольшими домиками, у воротъ которыхъ замѣтилъ осьмиконечные кресты, какъ у нашихъ старовѣровъ. Дѣйствительно здѣсь жили русскіе раскольники, по мѣстному »липоване«. Я вошелъ въ первый попавшійся домикъ, но былъ непривѣтливо встрѣченъ сердитой старухой, которая объявила, что мужъ въ отсутствіи и она не намѣрена вступить ни въ какіе разговоры. Въ другомъ дворѣ я засталъ дома разумнаго старика, который, хотя и не оказалъ особаго радушія, однако, узнавъ въ чемъ дѣло, посоветовалъ отправиться въ д. Варницю, гдѣ жители показываютъ пріѣзжимъ шведскій лагерь, и указалъ мнѣ дорогу. Оказалось, что я проѣзжалъ эту деревню, до которой было версты двѣ отъ крѣпости.

Варница расположена по крутому берегу Днѣстра и, представляя довольно жалкую деревушку въ настоящее время, конечно, не была значительнѣе и при Карлѣ XII. Послѣ недолгихъ исканій я нашелъ двухъ провожатыхъ, которые съ удовольствіемъ повели меня на мѣсто шведскаго лагеря. Нѣсколько окоповъ и слѣды кирпичнаго фундамента, гдѣ стоялъ домикъ отчаяннаго короля — вотъ все, что осталось для любознательнаго путешественника. Чичероне, повидимому, нѣсколько уже десятковъ разъ сопровождали путешественниковъ на это мѣсто, потому что рѣчи ихъ были затвержены и оба проводника не ожидали вопросовъ, а сами прямо начинали рассказывать, что слышали отъ отцовъ и дѣдовъ. Окончивъ осмотръ этихъ жалкихъ остатковъ, я поблагодарилъ молдаванъ и спросилъ — могу ли пройти свободно по берегу Днѣстра, какъ одинъ изъ молдаванъ удержалъ меня за руку.

— А вотъ еще могила надъ Днѣстромъ, надо посмотреть.

— Посмотримъ. Да развѣ она замѣчательна?

— Тамъ похороненъ Мазепа...

— Мнѣ говорили, что въ городѣ, и я хотѣлъ тамъ искать ее...

— Нѣтъ здѣсь, и вотъ смотрите — уже много обрушилось...

Дѣйствительно большой курганъ со стороны Днѣстра началъ осыпаться. Трудно было выбрать болѣе поэтическое мѣсто для могилы такой замѣчательной личности, какъ Ма-

зена. Съ приближеніемъ къ его могилѣ у меня въ головѣ по-шли смѣшиваться стихи изъ Полтавы и изъ Войнаровскаго и я былъ такъ поэтически настроенъ, что около часа про-сидѣлъ надъ обрывомъ Днѣстра, припоминая все яркіе эпи-зоды изъ жизни какъ отчаяннаго короля, такъ и загадочнаго гетмана.

Я полагаю, читатели не посѣтуютъ на меня, если я при-веду нѣсколько страницъ изъ исторіи собственно объ эпизодѣ изъ жизни Карла во время пребыванія его въ Бендерахъ. Матеріалы эти даетъ намъ Вольтеръ, который воспользо-вался подробностями отъ одного очевидца.

»Послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы, раненый и измученный усталостью, Карлъ XII остановился надъ Днѣпромъ въ ночь съ 9 на 10 іюля нов. стилия. Почти въ одно время прибылъ и Левенгауптъ съ остатками разбитаго войска, и шведы увидѣ-ли своего короля, котораго не считали въ живыхъ. Приближался непріятель. Не было ни моста для переправы черезъ рѣку, ни времени его построить, ни боевыхъ снарядовъ для защиты, ни продовольствія для солдатъ, неѣвшихъ двое сутокъ. Все почти офицеры были увѣрены, что Карлъ храбро встрѣтитъ русскихъ и умретъ на берегу Днѣпра или одержитъ побѣду. Карлъ и сдѣлалъ бы это, еслибы не чрезмѣрная болѣзненная уста-лость одолѣла его: онъ былъ непохожъ на себя и имъ распоряжались какъ больнымъ, потерявшимъ сознание. Къ счастью, случился плохой экипажъ, который и поставили на одну лодку. Въ другую Карлъ помѣстился съ Мазепой. По-слѣднему удалось захватить нѣсколько шкатулокъ съ день-гами, но, когда лодки, уносимыя теченіемъ и качаемыя вѣ-тромъ, начали тонуть, гетманъ выбросилъ за бортъ три чет-верти своихъ сокровищъ. Королевскій канцлеръ Меллеръ и Понятовскій съ остатками придворныхъ сѣли въ другія лодки.

Триста всадниковъ, значительная часть казаковъ и по-ляковъ рѣшились ввѣряться конямъ и переправиться вплавъ, сбиваясь въ кучу для сопротивленія быстротѣ рѣки, но и изъ нихъ многіе, снесенные теченіемъ ниже, потонули. Изъ пѣшихъ пробовали многіе, но никто не могъ переплыть на другую сто-рону. Между тѣмъ, какъ одна часть остатковъ арміи достается въ плѣнъ, а другая гибнетъ въ Днѣпрѣ, Карлъ XII въ уцѣ-лѣвшемъ экипажѣ уходитъ дальше съ опасно раненымъ гене-ралъ-маіоромъ Гордомъ. Остатки двора и войско пѣшкомъ, верхомъ и на повозкахъ тянутся за нимъ безъ дороги, по

обнаженной и безводной степи. Это было въ первыхъ числахъ іюля; степь горѣла, солнце жгло, лошади падали, люди умирали отъ ранъ, изнуренія, голода и жажды. Наконецъ, подъ вечеръ, попали они на одинъ изъ болотныхъ ручьевъ, бѣгущихъ по степнымъ балкамъ, и вода, набранная въ кожаные мѣшки, сохранила жизнь многимъ изъ этихъ несчастныхъ.

Черезъ пять дней подошли они къ Бугу и приблизились къ Очакову, пограничному турецкому городу. При видѣ толпы неизвѣстныхъ людей, говорящихъ на непонятномъ языкѣ, жители не хотѣли впустить ихъ въ городъ безъ позволенія очаковского правителя, Мегмеда-паши. Король послалъ къ нему нарочнаго, но прайтвель, зная, что за малѣйшую ошибку могъ лишиться головы, не рѣшался на этотъ смѣлый шагъ безъ разрѣшенія сераскира, жившаго въ Бендерахъ. Между тѣмъ русскія войска, перейдя Днѣпръ, приближались, настигая короля, уходившаго въ Очаковъ. Наконецъ паша обѣщаль дать лодку для короля и нѣсколькихъ особъ изъ его свиты. Тѣснимые необходимостью, шведы рѣшились переправиться силою: нѣкоторые изъ нихъ, переплывъ въ челнокѣ рѣку, овладѣли лодками, привели на другой берегъ и начали переправляться, что и спасло ихъ, потому что турецкіе лодочники, боясь утратить хорошій заработокъ, явились со своими судами. Въ это же время подоспѣлъ благопріятный отвѣтъ отъ бендерскаго сераскира.

Непріятель захватилъ 500 человекъ на глазахъ Карла. Очаковскій паша извинился въ промедленіи, бывшемъ причиною этой катастрофы, и просилъ короля не жаловаться султану, и хотя Карлъ обѣщаль это, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ, словно своему подданному.

Бендерскій сераскиръ на встрѣчу Карлу выслалъ агу съ богатымъ шатромъ, конвоемъ, багажомъ, возами, продовольствіемъ — однимъ словомъ, со всѣмъ необходимымъ для путешествія въ Бендеры.

Карлъ XII, дѣйствительно, былъ въ Турціи не болѣе какъ плѣнникъ, съ которымъ обращались почтительно; однако же онъ питаль намѣреніе вооружить Турцію противъ враговъ своихъ; онъ льстилъ себя надеждою покорить Польшу и Россію. У него былъ посланникъ въ Константинополь; но кто болѣе всѣхъ служилъ его обширнымъ замысламъ, такъ это Понятовскій, который поѣхаль въ Стамбуль безъ всякой официальной цѣли, но вскорѣ сдѣлался необходимъ королю, пріятель Портъ и страшень самому великому визирю».

Вольтеръ заявляетъ, что этому-то Понятовскому самъ онъ обязанъ многими интересными подробностями.

Карль XII пустился степью, которая, по словамъ Вольтера, называлась прежде пустыней Гетовъ (*solitude des Gètes*). Турки заботились обо всемъ въ дорогѣ. Множество уходившихъ шведовъ, казаковъ и поляковъ присоединялось къ королю. Въ Бендеры прибыло около 1,800 человѣкъ, которыхъ турки продовольствовали въ дорогѣ.

Не желая жить въ городѣ, Карль рѣшился остановиться лагеремъ подъ Бендерами. Сераскиръ Юсуфъ-паша приказалъ разбить для него и придворныхъ палатки, а впоследствии былъ выстроенъ домъ для этой цѣли. Солдаты поставили себѣ шалаши, и лагерь началъ походить на мѣстечко. Король страдалъ еще отъ раны въ ногѣ, изъ которой была вынута кость, но, какъ только закрылась рана, онъ тотчасъ принялся за прежній образъ жизни: вставалъ съ зарей, ѣздилъ верхомъ, ежедневно перемѣняя по три лошади, и непрерывно производилъ ученье солдатамъ. Въ свободное время игралъ иногда въ шахматы. Вольтеръ прибавляетъ, что Карль XII, играя въ шахматы, чаще всего дѣйствовалъ королемъ и оттого проигрывалъ всѣ партіи.

Въ Бендерахъ было ему изобиліе во всемъ: Карль получалъ разную провизію и 500 талеровъ ежедневно да сверхъ того занималъ деньги у константинопольскихъ купцовъ и во Франціи. Одна часть ихъ шла на серальскія интриги, а другую король щедро раздавалъ офицерамъ и янычарамъ, составлявшимъ его стражу въ Бендерахъ. Любимецъ его и казначей, Гротгузенъ, былъ исполнителемъ этой щедрости: человѣкъ этотъ, въ противоположность всѣмъ казначеямъ, любилъ раздавать такъ же какъ и государь его. Однажды онъ принесъ Карлу въ двухъ строчкахъ отчетъ въ 60,000 червонцевъ: »Десять тысячъ дано шведамъ и янычарамъ по приказанію вашего величества, а остальные израсходованы мною«.

— Вотъ какіе отчеты я люблю отъ пріятелей, сказалъ король. — Меллеръ, на примѣръ, заставляеть меня читать цѣлыя страницы о какихъ нибудь 10,000 франкахъ. Я предпочитаю лаконическій слогъ Гротгузена.

Одинъ изъ его старыхъ офицеровъ, подозрѣваемый нѣсколько въ скупости, жаловался, что его величество все отдавалъ Гротгузену.

— Я даю деньги только тѣмъ, кто умѣеть ими пользоваться, отвѣтилъ король.

Эта щедрость часто доводила его до того, что и давать ужъ было нечего.

Различные чужеземцы прїѣзжали изъ Константинополя, чтобы увидѣть его. Турки и татары собирались изъ окрестностей въ Бендеры, дивясь и смотря съ уваженіемъ на Карла. Мусульманамъ въ особенности правилась его трезвость и присутствіе два раза въ день на молитвѣ.

Скучая бездѣйствіемъ въ Бендерахъ, которое продолжалось болѣе, нежели онъ думалъ, Карлъ незамѣтно пристрастился къ чтенію. Ему умѣлъ понравиться присланный принцемъ голштинскимъ дворянинъ послѣдняго, баронъ Фабрицій, и читывалъ ему по временамъ Расина и Корнея. Вольтеръ приводитъ анекдотъ, что, найдя въ одной сатирѣ Буало выраженіе, что Александръ великій былъ бѣшенный и безумный, Карлъ разорвалъ эту страницу. Изъ трагедій онъ предпочиталъ Митридата. Зная хорошо французскій языкъ, онъ никогда не говорилъ на немъ, даже съ французскимъ посланникомъ, отправленнымъ къ нему изъ Константинополя, не захотѣлъ разговаривать иначе, какъ черезъ переводчика.

Разсчитывая на непремѣнную помощь Турціи, такъ проводилъ Карлъ XII время въ Бендерахъ, бывъ убѣжденъ, что серальскими интригами возбудить Порту противъ Россіи. Но султанъ молчалъ на всѣ его просьбы и жалобы. Однажды только отвѣтилъ присылкою въ подарокъ двадцати пяти лошадей, изъ которыхъ одна, на которой ѣздилъ самъ султанъ, была покрыта сѣдломъ съ золотыми стремянами, унизаннымъ драгоценными каменьями. При этомъ подаркѣ находилось и любовное письмо. Врагъ Карла XII, визирь Чурлули, прибавилъ и отъ себя пять красивыхъ коней, но король ихъ не принялъ, отвѣчая съ гордостью, что отъ врага не возьметъ никакихъ подарковъ.

Между тѣмъ и Понятовскій хлопоталъ въ Стамбулѣ, но все было напрасно. Карла рѣшились отправить непремѣнно на родину черезъ Германію. Ему послали 800 кошелековъ (каждый въ 500 талеровъ), желая возвращенія черезъ Германію или на французскихъ корабляхъ до Марсея. Послѣдніе обѣщали доставить французскій посланникъ, Феріоль. Напрасно Карлъ грозилъ Турціи возраставшимъ могуществомъ Россіи и претензіями царя на Крымъ и Черное море, и въ то время, когда въ Швеціи и Польшѣ происходили важныя перемѣны и Петръ I пользовался плодами побѣды, Карлъ XII, одинъ въ Бендерахъ, боролся и съ сераль-

скими интригами, и съ дурнымъ расположеніемъ дивана. Но враждебный Карлу XII визирь былъ смѣщенъ, и въ Бендерахъ начали ходить слухи, что Карль XII дѣлаеть что хочетъ въ Стамбулѣ. Наконецъ война Россіи объявлена. Крымскій ханъ получилъ приказаніе выступить съ 40,000 татаръ крымскихъ, ногайскихъ и буджакскихъ.

Подкупленный подарками шведскаго короля, ханъ выхлопоталъ сборъ войскъ въ Бендерахъ передъ глазами Карла XII для большаго убѣжденія послѣдняго, что война для него начиналась. Новый визирь, Балтази-Магометъ, измѣнилъ пунктъ и назначилъ Адрианополь, гдѣ обыкновенно собирались турецкія силы. Но, простоявъ въ Адрианополѣ только три дня, армія вступила въ Бессарабію. Не станемъ описывать этой кампаніи и въ особенности похода на Прутъ, изъ котораго Петръ I вышелъ такъ счастливо. Въ условіяхъ прутскаго договора былъ помѣщенъ свободный выходъ Карла. Въ то время, именно когда Петръ отступалъ по заключеніи мира, Карль XII, жаждавшій битвы, проскакалъ верхомъ болѣе 50 миль изъ Бендеръ въ Яссы. Чтобы проѣхать въ турецкій лагерь, надо было переправиться черезъ Прутъ по мосту, лежавшему ниже въ трехъ миляхъ. Карль XII, который ничего не дѣлалъ, такъ, какъ дѣлають прочіе, переправился вплавъ черезъ Прутъ, рискуя утопиться, и проскакалъ черезъ русскій лагерь, рискуя попасть въ плѣнъ, достигъ турецкой арміи и пріѣхалъ въ шатеръ Понятовскаго *), который встрѣтилъ его печальной новостью. Послѣ этого Карль бросился къ визирю и дерзко упрекалъ его за миръ съ Петромъ.

— Я имѣю право, отвѣтилъ спокойно визирь: — какъ на объявленіе войны, такъ и на заключеніе мира.

— Но, возразилъ король: — развѣ не вся русская армія находилась у тебя во власти?

— Законъ нашъ повелѣваетъ, отвѣтилъ серьезно визирь: — даровать миръ врагу, если онъ прибѣгаетъ къ нашему милосердію.

— А приказываетъ ли онъ тебѣ, настаивалъ въ гнѣвѣ король: — заключать дурной миръ, когда ты могъ предписывать какія угодно условія? Не отъ тебя ли зависѣло отвезти царя плѣннымъ въ Константинополь?

Оскорбленный турокъ отвѣтилъ сухо:

— А кто управлялъ бы царствомъ въ его отсутствіе?

*) Фактъ этотъ переданъ Понятовскимъ.

Нельзя же, чтобы всё государи находились внѣ своихъ владѣній.

Карль отвѣтилъ улыбкой презрѣнія. Онъ бросился на диванъ и, смотря сердито на визиря, протянулъ къ нему ноги, потомъ, зацѣпивъ нарочно шпорой его халатъ, разорвалъ полу, всталъ съ дивана, въ ту же минуту вскочилъ на лошадь и съ отчаяніемъ въ сердцѣ помчался въ Бендеры.

Здѣсь онъ нашель лагерь свой залитый наводненіемъ Днѣстра и подвинулся немного выше по берегу, къ Варницѣ, гдѣ, какъ бы предчувствуя будущее, велѣлъ построить большой каменный домъ, способный въ случаѣ надобности выдержать нѣсколько часовъ нападеніе. Онъ даже, противъ обыкновенія, убралъ его роскошно, чтобы внушить туркамъ болѣе уваженія.

Тутъ же еще построены были два меньшихъ дома — одинъ для канцеляріи, а другой для Гротгузена.

Въ это время Балтази-Магометъ послалъ въ Австрію резидента просить о свободномъ проходѣ Карла черезъ австрійскія владѣнія. Черезъ три недѣли пришелъ отвѣтъ, что король можетъ безопасно слѣдовать до Померанія. Визирь послалъ къ королю трехъ пашей съ предложеніемъ удалиться изъ владѣній Оттоманской Порты.

Карль, знавшій прежде объ этомъ порученіи, приказалъ предварительно объявить этимъ посланнымъ, что велить ихъ всѣхъ повѣсить, если предложеніе ихъ будетъ для него чѣмъ-нибудь оскорбительно. Салоникскій паша, который держалъ рѣчь, замаскировалъ обидное предложеніе самыми почтительными фразами, но Карль окончилъ аудіенцію, не удостоивъ даже пашей отвѣтомъ, и уже канцлеръ Меллеръ, оставшись наединѣ съ посланными, объяснилъ отказъ Карла XII.

Не обращая на это вниманія, визирь приказалъ новому бендерскому сераскиру, Измаилу-пашѣ, въ случаѣ упорства Карла погрозить ему гнѣвомъ падишаха. Паша очень вѣжливо поговорилъ съ королемъ и получилъ отвѣтъ, что тотъ до тѣхъ поръ не уступитъ, пока султанъ не исполнитъ двухъ вещей: не накажетъ визиря и не дастъ 100,000 войска для обратнаго похода на Польшу. Предчувствуя противъ себя интриги короля, визирь постарался распорядиться, чтобъ перехватывать всѣ его письма, и королю сократили содержаніе.

Какъ только послѣдній узналъ объ этомъ, тотчасъ же приказалъ своему гофмаршалу вмѣсто двухъ открытыхъ столовъ держать ежедневно четыре. И начали брать взаймы у кого только было можно — и у своихъ, и у посланника гол-

штинскаго принца, и у англійскаго министра, и у секретарей, и даже у янычаровъ, разбогатѣвшихъ отъ щедротъ королевскихъ. Король нимало объ этомъ не безпокоился; наконецъ пришлось, обманывая бдительность надзора, посылать за деньгами въ самый Константинополь; но и тамъ никто уже не имѣлъ охоты давать и только нашелся одинъ англійскій купецъ, Кукъ, рѣшившійся повѣрить 40,000 талеровъ. Сумма эта пришла въ королевскій лагерь именно въ самую пору, когда уже во всемъ чувствовался недостатокъ. Между тѣмъ въ Стамбулѣ происходили переговоры: графъ Дезалеръ, посланникъ французскій, обставлялъ Карла XII и польскаго короля Станислава, а министръ австрійскій дѣйствовалъ противъ. Великій визирь былъ смѣненъ, и резиденты англійскій и австрійскій выхлопотали скорое удаленіе Карла XII изъ Турціи.

Въ это время Карлъ XII все-таки домогался значительной арміи, а Порта предлагала лишь нѣсколько тысячъ конвоя. Наконецъ самъ султанъ, письмомъ отъ 19 апрѣля 1712 г., увѣдомилъ Карла, что онъ можетъ исполнить свое желаніе и отправиться изъ его владѣній черезъ Польшу.

Король отвѣтилъ письмомъ, выражая благодарность, но напиралъ на то обстоятельство, что его хотятъ отослать съ малочисленнымъ конвоемъ черезъ Польшу, гдѣ Петръ I легко могъ взять его въ плѣнъ. Послѣ этого письма затѣялись вновь деклараціи, приготовленія къ войнѣ съ Россіей и польскіе послы были заключены въ семибашенный замокъ. Но приготовленія эти окончились ничѣмъ, а со всѣхъ сторонъ приступали къ султану, чтобъ онъ выслалъ непременно Карла изъ Турціи. Въ трактатѣ съ Россіей опять постановлено было предоставить королю безопасный переходъ черезъ Польшу.

Бендерскій сераскиръ, Измаиль-паша, отправился въ Варницу и увѣдомилъ объ этомъ короля, давая понять, что слѣдовало удалиться немедленно. Король отвѣчалъ съ упорствомъ, что султанъ обѣщалъ ему не конвой, а войско и что монархи обязаны сдерживать свое слово.

Генераль Флемингъ, любимецъ Августа, былъ въ перепискѣ съ крымскимъ ханомъ и съ бендерскимъ сераскиромъ. Французъ Лемаркъ, полковникъ саксонской службы, нѣсколько разъ ѣздилъ изъ Бендеръ въ Дрезденъ и его подозрѣвали въ тайныхъ переговорахъ. Посланный Флеминга былъ задержанъ, письма перехвачены, изъ которыхъ и убѣдились о сношеніяхъ съ татарами, и начали бояться, чтобы крымскій ханъ не выдалъ Карла саксонцамъ.

По прочтеніи перехваченныхъ писемъ Гротгузенъ, Меллеръ и король держали совѣтъ и рѣшили только одно, что положеніе было опасно во всѣхъ отношеніяхъ. Отъѣздъ Сапѣги, перешедшаго отъ Карла XII на сторону Августа и уѣхавшаго изъ Бендеръ, подтверждалъ мысль о какомъ-то соглашеніи съ татарами относительно особы короля. Между тѣмъ Карль XII постоянно питалъ странную увѣренность въ помощь Турціи и единственно для выигрыша времени отвѣчалъ сераскиру, что не можетъ выѣхать пока не расплатится съ долгами, для чего требовалось 1,000 кошельковъ. Хотя ему снова возвратили содержаніе, однако его никогда не хватало. Паша написалъ въ Стамбуль, а султанъ прислалъ 1,200 кошельковъ вмѣсто 1,000. Въ это время Карль XII жаловался на измѣну татаръ, но письмо было перехвачено и не дошло по назначенію.

Видя себя въ нѣкоторомъ родѣ плѣнникомъ, король рѣшилъ остаться. Когда присланы были 1,200 кошельковъ, казначей Гротгузенъ выманилъ ихъ у сераскира обѣщаніемъ скорого отъѣзда, рассчитывая, что съ деньгами можно интриговать въ сералѣ, и не переставая рассчитывать на помощь Порты.

Сераскиръ сперва не хотѣлъ давать денегъ, но наконецъ поддался на маневры Гротгузена. Какъ только получены были деньги, король тотчасъ же заявилъ, что не поѣдетъ. Паша испугался, потому что имѣлъ положительное приказаніе не давать денегъ иначе какъ наканунѣ выѣзда и боялся гнѣва султана, защититъ отъ котораго было безсильно обѣщаніе короля исходатайствовать прощеніе. Сераскиръ вмѣстѣ съ татарскимъ ханомъ послалъ донесеніе въ Стамбуль, что денегъ не давали—пока не получили обѣщанія отъѣзда, но что король снова раздумалъ и остается.

Подозрѣвая постоянно, что ханъ и секретарь хотѣли выдать его врагамъ, Карль XII жаловался на нихъ въ Стамбуль черезъ посланника своего, Функа, и снова просилъ 1,000 кошельковъ. Но, какъ только Функъ явился съ этой новой просьбой, его тотчасъ посадили въ темницу. Въ Бендеры съ конюшимъ Буюкъ-Ибрамуромъ и Чаушъ-пашою былъ посланъ приказъ немедленно отправить Карла. Получивъ это повелѣніе, сераскиръ поѣхалъ въ Варницу спросить у короля—желаетъ ли онъ уступить дружески или упорствомъ своимъ хочетъ принудить его къ строжайшему исполненію повелѣній султана.

Карль XII сильно разгнѣвался.

— Слушайся своего государя, если достанетъ у тебя смѣлости, и прочь съ глазъ моихъ! сказалъ онъ.

Сераскирь поскакалъ назадъ и, проѣзжая мимо Фабриція, закричалъ послѣднему:

»Король не слушается, и потому вы увидите странныя вещи!«

Въ то же время прекратили королю содержаніе, отняли янычарскій караулъ и объявили казакамъ и полякамъ, если они хотятъ продовольствія, то чтобы удалились изъ варницкаго лагеря и переходили къ Бендерамъ подъ покровительство Порты. Всѣ послушались и покинули Карла съ его придворными и 300 шведовъ противъ 20,000 татаръ и 6,000 турокъ. Въ лагерѣ не было корма ни для людей, ни для лошадей, и Карль велѣлъ вывести въ поле и перестрѣлять двадцать арабскихъ коней, полученныхъ въ даръ отъ султана.

— Не хочу имѣть отъ нихъ ни лошадей, ни продовольствія.

Татары съ наслажденіемъ съѣли конину и со всѣхъ сторонъ окружили лагерь.

Карль XII равнодушно приказалъ своимъ 300 шведамъ насыпать правильные окопы, работая самъ со всѣми придворными. Иные задѣлывали окна, другіе закладывали бревнами двери.

Укрѣпивъ домъ, Карль обошелъ вокругъ окоповъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ играть въ шахматы съ Гротгузенемъ. По счастью, посланникъ принца голштинскаго, Фабрицій, и англійскій министръ, Джеффри, жили не въ лагерѣ, но въ деревенькѣ между Варницей и Бендерами и, видя подобныя приготовленія, предложили себя въ посредники. Ханъ и сераскирь охотно приняли предложеніе. Въ Бендерахъ происходили двѣ конференціи, на которыхъ присутствовали и константинопольскіе посланники.

Фабрицій представлялъ, что Карль имѣлъ основаніе бояться быть выданнымъ непріятелю. Ханъ, паша и другіе поклялись головами, что подобное опасеніе было несправедливо. Фабрицій убѣдился и спросилъ—думаютъ ли употребить силу для понужденія Карла къ отъѣзду. Ему отвѣтили, что исполнять приказъ, еслибы пришлось даже пролить кровь, потому что такова была воля султана.

Начали приготовляться къ штурму, и гибель Карла казалась неизбѣжной. Послали еще за положительными приказаніями къ султану, который былъ въ Адрианополѣ.

Выхлопотавъ отсрочку, Фабрицій и Джефри поспѣшили увѣдомить Карла объ этомъ. Король принялъ ихъ холодно и утверждалъ, что приказаніе было вымышлено, если послали за новымъ, болѣе положительнымъ. Оскорбленный Джефри ушелъ, не желая болѣе ни во что вмѣшиваться. Фабрицій остался съ королемъ, убѣждая послѣдняго не рисковать напрасно жизнію изъ одного упрямства. Въмѣсто отвѣта Карлъ XII указалъ на окопы и просилъ только, чтобы тотъ своимъ посредничествомъ выхлопоталъ ему жизненныхъ припасовъ. Турки допустили себя смягчить и доставили продовольствіе въ ожиданіи возвращенія гонца изъ Адрианополя. Даже ханъ приказалъ своимъ татарамъ, алкавшимъ добычи, не трогать шведовъ, такъ что Карлъ въ сопровожденіи сорока всадниковъ выѣзжалъ изъ лагеря и проносился между татарами, которые безпрепятственно его пропускали.

Пришелъ наконецъ категорическій приказъ султана — въ случаѣ сопротивленія шведовъ вырѣзать ихъ, не исключая и Карла. Сераскирь показалъ бумагу Фабрицію, желая, чтобы послѣдній попытался убѣдить Карла.

— Ты самъ видѣлъ повелѣніе? спросилъ король.

— Видѣлъ.

— Ну, поди же, скажи имъ, что и это повелѣніе вымышлено и я не уѣду.

Фабрицій упалъ къ ногамъ его, умоляя не сопротивляться, но все было напрасно.

— Ступай къ туркамъ и объяви, что я съумѣю защищаться въ случаѣ нападенія.

Королевскіе капеланы стали передъ королемъ на колѣни и упрашивали, чтобы онъ не отдавалъ на жертву уцѣлѣвшихъ подъ Полтавой, а главное не подвергалъ опасности свою особу, доказывая бесполезность сопротивленія и что этимъ упорствомъ онъ нарушаетъ права гостепріимства.

— Я взялъ васъ для молитвы, а не для совѣтовъ.

Генералы Гордъ и Дальдорфъ, указывая на свои раны, увѣряли, что охотно умрутъ за него, но вмѣстѣ умоляли подвергать себя опасности не здѣсь, но въ случаѣ болѣе необходимомъ.

— Знаю по вашимъ и своимъ ранамъ, отвѣчалъ Карлъ XII: — что мы бились мужественно, до сихъ поръ вы честно исполнили свою обязанность; надѣюсь, что исполните и нынѣ.

Оставалось, значитъ, слѣпое повиновеніе, и каждому уже стыдно было отказаться умереть за своего государя. При-

готовляясь къ штурму, Карлъ XII утѣшался мыслию, что какихъ нибудь триста шведовъ будутъ сопротивляться цѣлой непріятельской арміи.

Всѣмъ, начиная отъ канцлера и до послѣдняго поваренка, поназначалъ онъ посты: у него каждый обязанъ былъ служить солдатомъ. Самъ онъ объѣзжалъ верхомъ окопы, обѣщая всѣмъ награды и производства въ чины за храбрость.

Вскорѣ турки и татары съ десятию орудіями и двумя мортирами подошли къ лагерю. Развѣвались бунчуки, гремѣла музыка и вокругъ слышались мусульманскіе клики: »Алла! Алла!« Баронъ Гротгузенъ замѣтилъ, что въ воинственныхъ крикахъ не было ничего оскорбительнаго для короля, котораго называли только »желѣзною головою« (Демирбашъ).

Пользуясь этимъ расположеніемъ, Гротгузенъ, одинъ, безъ оружія, вышелъ къ янычарамъ, недавно еще получавшимъ отъ короля жалованіе и подарки, и сказалъ, что они, конечно, не захотятъ умертвить трехсотъ безоружныхъ солдатъ и короля, который такъ ласкалъ ихъ.

— Друзья! прибавилъ онъ: — король проситъ только три дня отсрочки, а султанское повелѣніе не такъ жестоко, какъ васъ увѣряютъ.

Смягченные янычары поклялись бородами не нападать на Карла и объявили готовность подождать три дня.

Напрасно подаваемъ былъ сигналъ къ штурму, янычары не только не хотѣли повиноваться, но грозили броситься на своихъ начальниковъ въ случаѣ отказа королю въ трехдневной отсрочкѣ. Они толпою отправились къ палаткѣ бендерскаго паши и кричали, что повелѣніе султана было вымышлено.

Сераскиръ нашелся въ необходимости заpastись терпѣніемъ. Изъявивъ притворное согласіе, онъ велѣлъ янычарамъ отступить къ Бендерамъ. Ханъ татарскій хотѣлъ тотчасъ же идти на приступъ, но паша уговорилъ его отложить до утра. По возвращеніи въ Бендеры сераскиръ велѣлъ собрать старшихъ янычаровъ и болѣе заслуженныхъ воиновъ и показалъ имъ султанское повелѣніе. Шестьдесятъ сивобородыхъ стариковъ вызвались идти къ королю, убѣдить его и просить отдаться имъ на ихъ честное слово. Паша согласился, и старики отправились въ Варницу съ одними только бѣлыми палками въ рукахъ—единственное оружіе янычаровъ внѣ сраженія.

Прибывъ въ лагерь, они обратились къ Гротгузену и Меллеру, заявляя, что, еслибы король захотѣлъ имъ ввѣрить себя,

они сами проводили бы его въ Адрианополь на свиданіе съ султаномъ. Въ то время, когда дѣлалось это предложеніе, король читалъ письмо изъ Константинополя, тайно пересланное Фабриціемъ черезъ одного изъ янычаровъ. Письмо было отъ Повятовскаго, котораго задержали въ Стамбулѣ послѣ новой просьбы о тысячѣ кошелькахъ. Онъ увѣдомлялъ, что дѣйствительно было отдано султаномъ повелѣніе схватить Карла, а въ случаѣ сопротивленія и умертвить его, что слѣдовало покориться и т. д., предоставляя остальное времени.

Но ни почтительныя просьбы янычаровъ, ни письмо Повятовскаго не могли склонить короля на подчиненіе чужой волѣ. Онъ предпочиталъ смерть турецкому плѣну и отправилъ стариковъ-янычаръ, даже не увидѣвшись съ ними, и приказалъ сказать, что если не удалятся, то велить обрѣзать имъ бороды.

Оскорбленные старики ушли съ криками:

»О, желѣзная голова! хочеть своей погибели; ну, пусть же и погибаетъ.

Возвратясь въ Бендеры, они передали это сераскиру и товарищамъ, объявивъ, что готовы на другой день идти на приступъ.

Поданъ былъ знакъ штурма. Турки бросились на окопы, татары только и ждали этого — открыть огонь изъ орудій, и янычары съ одной, а татары съ другой стороны овладѣли небольшими шанцами. Изъ трехсотъ шведовъ едва успѣли 20 употребить оружіе, какъ были окружены и взяты въ плѣнъ. Король съ генералами Гордомъ, Дальдорфомъ и Снарре стоялъ на конѣ между своимъ домомъ и лагеремъ и, видя, какъ солдаты въ его присутствіи всѣ сдались плѣнными, сказалъ окружающимъ хладнокровно:

»Пойдемъ защищать домъ!« и потомъ съ улыбкой прибавилъ: »будемъ сражаться pro aris et focis«.

Проговоривъ это, онъ поскакалъ къ дому, гдѣ поставилъ на стражѣ около сорока служителей. Домъ былъ укрѣпленъ по возможности. Хотя генералы и привыкли къ упорству и храбрости Карла, однако не могли не дивиться хладнокровію и рѣшимости, съ какими онъ думалъ, при помощи нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, бороться противъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ и противъ десяти орудій.

У двери дома произошла стычка съ янычарами, около двухсотъ турокъ и татаръ проникло черезъ окно внутрь и овладѣло комнатами, за исключеніемъ одной залы, куда за-

перлись королевскіе служители. Зала эта была близъ главной двери, куда устремился Карлъ съ двадцатью окружавшими. Спрыгнувъ съ коня, съ пистолетомъ въ одной рукѣ, со шпагой въ другой, бросился король, и за нимъ его свита.

Вдругъ его окружили янычары, оживленные обѣщаніемъ шахи—восемь червонцевъ тому, кто хоть коснется до платья Карла, если послѣдній будетъ взятъ живымъ. Карлъ билъ направо и налево. Одинъ раненый янычарь приложилъ мушкетъ къ его лицу, и, еслибы не толкнулъ кто-то случайно руки янычара, Карлъ не миновалъ бы смерти. Пуля скользнула у него по носу, оторвала кусочекъ уха и раздробила руку генералу Горду, которому выпадало на долю всегда получать раны за своего государя. Король вонзилъ шпагу въ брюхо янычару, а служители, запертые въ залѣ, отворили дверь, куда Карлъ и вскочилъ со своей свитой. Дверь снова была заперта и заложена какъ только позволяли средства. Карлъ остался въ этой залѣ со всѣми офицерами, секретарями, служителями и придворными.

Янычары и татары, наполняя комнаты, предавались грабежу.

— Пойдемъ, выгонимъ эту толпу варваровъ! сказалъ Карлъ, становясь впереди, самъ отворилъ дверь спальни, вошелъ и выстрѣлилъ по хищникамъ.

Обремененные добычей и при видѣ Карла, котораго привыкли уважать, турки бросали оружіе, выскакивали въ окна и бѣжали къ погребамъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на непріятеля, Карлъ и свита начали ихъ гнать по комнатамъ, нанося раны и убивая, такъ что въ четверть часа домъ былъ очищенъ. Въ пылу этой оригинальной битвы Карлъ замѣтилъ двухъ янычаровъ, укрывшихся подъ его кроватью, и одного закололъ шпагой. Другой попросилъ пощады.

— Дарую тебѣ жизнь, закричалъ король: — съ условіемъ, что пойдешь рассказать пашѣ все здѣсь видѣнное.

Турокъ выскочилъ въ окошко. Шведы снова овладѣли домомъ, заперли и заложили окна. Одна комната, наполненная оружіемъ и боевыми припасами, оставалась нетронута, потому что янычары ея не замѣтили. Шведы стрѣляли черезъ окна почти въ упоръ нападавшимъ туркамъ, которыхъ убили около двухсотъ въ теченіе четверти часа.

Раздались выстрѣлы изъ орудій, но мѣстный камень такъ мягокъ, что ядра въ немъ дѣлали отверстія, а не развора-

чивали стѣны. Ханъ и паша рѣшились непременно овладѣть Карломъ; имъ уже стало стыдно потерять столько людей, штурмуя строеніе съ шестидесятью защитниками. Наконецъ зажгли домъ, бросая на крышу стрѣлы, обмотанныя горящими фитилями. Домъ загорѣлся, пылавшая кровля ежеминутно готова была обрушиться на осажденныхъ. Между тѣмъ Карлъ хладнокровно отдавалъ приказанія тушить огонь; найдя какой-то боченокъ съ жидкостью и не зная, что это была водка, онъ съ помощью двухъ шведовъ бросилъ его на мѣсто, гдѣ горѣло сильнѣе. Въ попыхахъ никто не замѣтилъ, что это былъ горючій матеріалъ, и пожаръ усилился. Комнаты горѣли, зала наполнилась дымомъ изъ сосѣднихъ дверей, изъ которыхъ показывалось пламя. Одна половина крыши обрушилась, а другая осыпалась снаружи, разбрасывая головни и искры.

Одинъ шведъ, Вальбергъ, закричалъ:

— Надо поддаться!

— Странный человекъ, отвѣтилъ король: ему лучше идти въ плѣнъ, нежели сгорѣть честнымъ образомъ!

— Домъ канцеляріи въ пятидесяти шагахъ, отозвался Розень: — крыша на немъ черепичная — можетъ выдерживать огонь, надо сдѣлать вылазку, пробиться и тамъ защищаться.

— Вотъ такъ настоящій шведъ! воскликнулъ Карлъ XII, обнялъ его и тотчасъ же произвелъ въ полковники. — Друзья! продолжалъ онъ: — набирайте побольше пуль и пороха, и съ оружіемъ въ рукахъ пробьемся въ канцелярію.

Турки, окружавшіе горѣвшій домъ, удивлялись, что изъ него не выходили шведы, но изумленіе ихъ усилилось, когда отворилась дверь и Карлъ со своими напалъ на нихъ съ отчаянною храбростью. Шведы вооружены были шпагами и пистолетами, каждый изъ нихъ при выходѣ изъ двери далъ по два выстрѣла, потомъ бросили пистолеты и всѣ, обнаживши шпаги, кинулись на турокъ, такъ что отогнали послѣднихъ шаговъ на пятьдесятъ, но, разумѣется, тотчасъ же были окружены многочисленною толпою. Карлъ, бывшій по обычаю въ сапогахъ со шпорами, зацѣпился за что-то и упалъ. Двадцать янычаровъ кинулось на него. Король бросилъ вверхъ шпагу, чтобы не отдавать ее, а турки отвели его къ сераскиру, одни держа за ноги, другіе подъ руки, осторожно, словно больного.

Карлъ тотчасъ же смягчился, остылъ отъ боеваго жара, молчалъ и, не оказывая признака гнѣва, смотрѣлъ съ улыб-

кой на янычаровъ, которые неслись съ криками: »Алла!» поглядывая на него съ уваженіемъ и вмѣстѣ съ досадою.

Королевскій дворъ былъ взятъ и ограбленъ турками. Происходило это 12 февраля 1713 г.

Папа ожидалъ Карла въ палаткѣ, призвавъ переводчика Марка. Принявъ короля почтительно, онъ просилъ его отдохнуть на диванѣ. Король не измѣнялъ положенія.

— Слава Богу, ваше величество живы; я былъ въ отчаяніи, но не могъ не исполнить повелѣнія султана.

Король не въ состояніи былъ позабыть плѣна своихъ трехсотъ солдатъ въ лагерѣ.

— Еслибы они защищались какъ слѣдуетъ, воскликнулъ онъ: — и въ десять дней вамъ бы не овладѣть мною!

— Это была бы напрасно потраченная храбрость, отвѣтилъ турокъ.

Короля отіравили въ Бендеры на богато осѣдланной лошади. Всѣ шведы частью были перебиты, частью взяты въ плѣнъ; вещи, бумаги, платье разграблены, сожжены; офицеры почти нагіе, связанные попарно, слѣдовали пѣшкомъ за турками и татарами. Та же участь постигла канцлера и генераловъ: они сдѣлались невольниками солдатъ, которые забрали ихъ въ плѣнъ.

Измаиль-паша уступилъ Карлу свою комнату въ бендерскомъ дворцѣ и угощалъ по королевски, но у двери поставилъ караулъ изъ янычаровъ. Карлу приготовили постель; однако онъ, не раздѣваясь, въ сапогахъ, бросился на софу и уснулъ глубокимъ сномъ. Офицеръ, находившійся возлѣ, накрылъ ему голову шапкой, которую король отбросилъ, проснувшись отъ перваго сна, и турокъ съ изумленіемъ увидѣлъ монарха, спавшаго въ сапогахъ и съ непокрытою головою. На утро Измаиль-паша ввелъ въ королевскую комнату Фабриція, которому Карлъ представился въ разорванномъ платьѣ; сапоги и все на немъ было покрыто слѣдами крови и дыма, брови обожжены, но лицо сохраняло спокойствіе, несмотря на это состояніе. Не могши проговорить ни слова, Фабрицій упалъ передъ нимъ на колѣни; но, ободренный спокойной манерой короля, онъ принялъ прежнюю фамиліарность, и оба смѣясь пошли бесѣдовать о бендерскомъ сраженіи.

— Говорятъ, ваше величество, сказалъ Фабрицій: — что вы убили собственноручно двадцать янычаровъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ король: — такія вещи при-
бавляются всегда на половину.

Среди этого разговора Измаиль-паша представилъ королю его любимца, Гротгузена, и полковника Риббинга, которыхъ имѣлъ великодушіе выкупить на свой счетъ, остальныхъ плѣнныхъ позаботился выкупить Фабрицій. Къ нему присоединился англійскій посланникъ, Джеффри. Одинъ французъ, привлеченный любопытствомъ въ Бендеры и описавшій часть приключеній, здѣсь рассказанныхъ, со своей стороны далъ что могъ, и такимъ образомъ эти иностранцы, вспоможенные заботливостью и даже деньгами паши, выкупили изъ рукъ турокъ и татаръ не только офицеровъ, но даже ихъ платья.

На другой день повезли плѣннаго короля въ повозкѣ, покрытой пурпурнымъ ковромъ, по дорогѣ въ Адрианополь; назначенъ ему, Гротгузенъ, былъ съ нимъ. Канцлеръ Меллеръ и нѣсколько офицеровъ ѣхали въ другой телѣгѣ; многіе слѣдовали верхомъ, и, когда бросали взоры на повозку, въ которой сидѣлъ король, всѣ не могли удержаться отъ слезъ. Паша ѣхалъ во главѣ конвоя. Фабрицій представлялъ ему, что неприлично было оставить короля безъ шпаги, и просилъ дать королю это оружіе.

— Боже сохрани! отвѣтилъ паша: — онъ всѣмъ намъ отрѣжетъ бороды.

Однако же черезъ нѣсколько часовъ знаменитому плѣннику возвращена была шпага.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей судьбой Карла XII, этой оригинальной личности, которая уже не можетъ повториться въ наше время. Мы имѣли только въ виду рассказать эпизодъ пребыванія его въ Бендерахъ. Любопытныхъ отсылаемъ къ *Oeuvres complètes de Voltaire*, T. V., pp. 208—262.

Къ сожалѣнію, о пребываніи Мазепы въ Бендерахъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, а любопытно было бы прослѣдить послѣдніе дни жизни челоуѣка, болѣе намъ близкаго, нежели Карла XII.

Отъ турокъ осталась еще крѣпость съ древней генуэзской цитаделью, но такъ какъ она еще не упразднена, то и осмотръ ея сопряженъ для частнаго лица съ большими затрудненіями. Я не могу сказать, что я ея не видѣлъ: комендантъ уважилъ мою просьбу и дозволилъ осмотрѣть, но офицеръ, которому поручено было удовлетворить мое любопытство, провелъ меня едва не на рысяхъ, а въ цитадели ко многимъ дверямъ не нашлось ключей за отсутствіемъ разныхъ личностей. О томъ, какъ жили турки, каково было внутреннее расположеніе—ни-

кто не сообщил мнѣ никакихъ подробностей, и, хотя, взамѣвъ этого, провожатый офицеръ рассказывалъ мнѣ о мѣрахъ, принимавшихся во время послѣдней кампаніи, однако, эти свѣдѣнія не заключаютъ никакого интереса.

Собственно Бендеры (въ древности *Тегинъ*) довольно плохой городишко. Казаки называли его Тягынь или Тягиня, что видно изъ сохранившейся думы о Коновченкѣ:

„Пусты, мене маты,
Підъ городъ Тягню гуляты“.

Впрочемъ, есть въ Херсонской губерніи селеніе Тягинка надъ Днѣпромъ, съ остатками очень древнихъ развалинь, къ которой тоже можетъ относиться эта строфа (см. »Поѣздка въ южную Россію«, часть 1, стр. 289). Торговаго значенія Бендеры не имѣютъ, и если удерживаются отъ окончательнаго паденія, то единственно потому, что лежатъ на пути изъ Кишинева въ Одессу. Правда, здѣсь грузятъ галеры и отнавливаются плоты, но все это въ довольно жалкихъ размѣрахъ, такъ какъ мѣстные жители имѣютъ возможность сами доставлять свои произведенія прямо сухимъ путемъ въ Одессу, гдѣ на все стоятъ высокія цѣны. Мѣстная торговля поддерживается въ значительной степени присутствіемъ крѣпостнаго управленія и гарнизона.

Лучшія строенія и лавки группируются вокругъ собора, а остальные улицы обстроены плохо и содержатся, разумѣется, неопрятно. Кое-какое движеніе замѣтно еще потому, что въ городѣ живетъ довольно евреевъ, которые если не ходятъ за дѣломъ, то все-таки шныряютъ, выискивая какое нибудь занятіе, и обыкновенно придаютъ жизнь занимаемой ими мѣстности.

Въ лавкахъ однако-жъ я не замѣтилъ предметовъ роскоши, потому ли, что бендерскіе жители скромны въ своихъ привычкахъ, потому ли, что близость Одессы мѣшаетъ купцамъ заводить этого рода товарами. Впрочемъ, къ удивленію, въ Бендерахъ есть нѣсколько извозчиковъ — обстоятельство, до сихъ поръ для меня необъяснимое. Не было бы надобности — не существовали бы извозчики, какъ ихъ и нѣтъ обыкновенно въ плохихъ уѣздныхъ городишкахъ, тѣмъ болѣе, что въ Бендерахъ нѣтъ разстояній, которыя переходить пѣшкомъ было бы утомительно. Не можетъ быть причиной здѣсь и присутствіе крѣпости, и только остается любопытство проѣзжихъ, да и то устремленное на одинъ пунктъ — на слѣды шведскаго лагеря.

На одной изъ боковыхъ улицъ отстроивалась небольшая католическая церковь красивой архитектуры, иждивеніемъ коменданта. И это была единственная новая постройка во всемъ городкѣ.

Верстахъ въ четырехъ, на горѣ, надъ аккерманской почтовой дорогой, лежитъ огромный продолговатый курганъ, называемый Суворовскимъ. Никто не могъ объяснить мнѣ этого названія. Суворову не было надобности насыпать такую гору, скорѣе онъ велѣлъ бы сдѣлать какое нибудь правильное укрѣпленіе, а развѣ не стояла ли на этомъ курганѣ походная палатка полководца? Виды оттуда на городъ, на панораму Днѣстра и на живописный Тирасполь по ту сторону—великолѣпны.